

КАЛИСТО ЛА
ФЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я ТЕБЯ НАШЕЛ

Калисто Ла Фей Я тебя нашёл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69278887

SelfPub; 2023

Аннотация

Что будет, если ангел влюбится в демона? Принц Ада предаст свой народ. Небесный целитель лишится крыльев. Король Ада отберёт самое ценное, а Королева Мать возьмётся исправлять содеянное. Сможет ли спустя тысячелетие ангел найти дорогу к возлюбленному, а король Дикой Охоты вспомнить, ради чего он жил? Королевство Дикой Охоты. Эльфы, дриады, запертый Небесный город. Старое колдовство и легенды. Забытые чувства и предательство. Сказка, рассказанная по ту сторону небосвода, но мы-то с вами знаем, что всё это было на самом деле.

Содержание

Благодарности	7
Пролог	9
Глава 1. Судьба	12
Глава 2. Сказка на ночь	15
Глава 3. Рысь, пантера и снежный барс	22
Глава 4. Чем дальше в лес	35
Глава 5. И это только начало	64
Глава 6. Тысяча лет и одна ночь назад	91
Глава 7. Я тебя нашёл	119
Глава 8. В преддверии беды	154
Глава 9. По ту сторону небосвода	165
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Калисто Ла Фей Я тебя нашёл

Калисто ла Фей

Я тебя нашёл



#CalistoLaFay

Благодарности

Эта книга никогда бы не увидела свет без волшебных пендалей моей одноклассницы и безумно талантливой писательницы Анны Томченко. Я была готова отдать тебе сюжет, зная, что ты расскажешь его намного красочнее, чем я. Той ночью твои слова поддержки, «запиканные» для нежного слуха, дали мне сил и вдохновения, чтобы родилась история ангела и демона. Мне не найти подходящих слов, чтобы выразить благодарность за твою поддержку на протяжении написания истории.

Мой первый читатель – Наталия Еремина, ставшая мне подругой. Тебе низкий поклон. Без твоих замечаний: «Вот тут бы добавить эмоций», «А здесь бы я расписала поподробней» история была бы сухой, как пергаменты в библиотеке архангелов. Спасибо тебе, что продолжаешь меня читать, редактировать и дарить свою дружбу.

Королева мать, твои восхищённые вздохи и напутственные слова давали мне новые силы, когда я опускала руки и считала, что всё напрасно. Спасибо, любимая мамочка, что верила в меня.

За самые классные арты к истории благодарность отправляется Катаве (Ирине Мелинчук) из «Обложки для книг от Катавы». Давай вместе создавать прекрасное и в будущем. Хотя тебя и так ждёт много работы к моей новой истории.

Моему любимому мужу я благодарна до бесконечности. Спасибо, что не счёл мою затею очередной «фигнёй», а поддержал как морально, так и финансово. Твои слова: «Когда идём в издательство?» подстёгивали меня не хуже кожаной плётки.

И последнее «спасибо» хочу сказать Марии Дубининой. Мой обрётённый в процессе написания книги друг и «фея правописания». Без твоей помощи в корректировке текста слова бы пестрили «блохами», а ненужные запятые дёргали глаз читателя.

С любовью и благодарностью обнимаю мой победоносный секстет, и пусть нас разделяют тысячи километров, но вы ближе ко мне, чем вы думаете.

P.S. Да будут счастливы все существа во всех мирах.

Пролог

Крик. Нет, скорее, раздирающий душу вопль пронзает густую тишину самой тёмной ночи в году. Коренные жители шептались, что в ночь на двадцать первое декабря небо замерзает, оставляя людей без покровительства живущих в нём духов.

Всюду слышались вопли, неистовые, пробирающие ужасом до самых костей. Люди метались в панике. Кто ж мог предвидеть, что празднование зимнего солнцестояния обернётся таким безумием?

Духи, защитите нас, ибо Дикая Охота скачет по небу.

«Бежать!», – бьёт набатом в моей голове.

Не могу пошевелиться. Его глаза разные: один тусклый, когда-то голубой, потерянный, потухший, а второй – сияющий, цвета моря в солнечных лучах. Своим взглядом он пригвозждает меня к месту, заглядывая в самую душу. Король Зимы. Король Дикой Охоты. Некогда принц самого горячего места на земле – мой принц Ада.

– Я тебя нашёл, – провозглашает он, и сознание покидает меня.



Глава 1. Судьба

В кабинете было очень тихо, лишь изредка доносился скрежет пера по пергаменту.

– Что это? – раздался голос над моим ухом.

– Листочек, – выдавила я из себя.

Я сидела за предпоследней партой, прячась за спиной Эй-дана, и не могла взять в толк, как эта глазастая карга умудрилась подойти так тихо?

Можно ли её называть каргой? Выглядит профессор, как будто ей лет... сколько... вечность?

Ведьма...

Преподавала эта «ведьма» руны. Зачёт по ним входит в обязательную программу Академии Иордина на выпускном курсе, и я его завалила!

Я ожидала, что мне «повезёт» с билетом и выпадут самые сложные вопросы, так было всегда с этим предметом, но не ожидала...

– Это не листочек, это ваше грехопадение, – произнесла профессор Фрея как означенование конца.

– Э... я.... – это всё, что мне удалось ответить.

Уже сидя в коридоре и ожидая, когда профессор вызовет в кабинет, я слушала, как веселилась моя подруга.

– Гр-хооо-пааадение, – давясь смехом и вытирая высту-

пившие слёзы, процедила Талия, показывая мастерство копирования голоса. – Ведьмин круг, не кручинься, тебя ж не сожгли на костре. Всего лишь руны. Я великая провидица, гарантирую, сдашь ты свои закорючки.

Я была очень благодарна за поддержку, хоть и издевательскую. Перевела взгляд с двери кабинета на подругу.

Синеглазая брюнетка – наследница богатого княжеского рода Десаи. Есть в этой пантере что-то от провидца, не зря носит на шее подаренный княжной-бабулей благородный чёрный опал – камень удивительной красоты, по-настоящему роскошный и впечатляющий, как и сама его обладательница.

Мы две противоположности, есть ещё и третья – рыжая, сдавшая все предметы экстерном, хотя является нашей одноклассницей. Терпели её преподаватели из-за дедушки и выдающегося ума, но вот с безбашенностью смириться не смогли, так и порешали: «Сдай заранее и гуляй на все четыре стихии». Эрика Бурланд, из рода «профессорский червь». Её дедушка преподаёт в Академии историю магии и является заместителем ректора. Огненного цвета волосы соответствуют характеру: дама-пожар, оставляющая после себя пепелище. Умная, шальная, настоящая рысь.

Завершает наше победное трио – сирота при живом отце. Моя мать умерла во время тяжёлых родов, а отец... Он присутствовал в моей жизни, но появлялся вскользь, работал в шахтах, добывающих циозой – камень, увеличивающий ма-

гические способности.

Меня не целовали на ночь в лоб, не читали сказки, мне давали на книги деньги, а дальше уж как-то сама разбирайся. Едой радовала старушка по соседству, как выяснилось, мама часто выручала её мазью для суставов. При жизни мама была травницей. Отец тяжело переживал утрату любимой жены, всё в доме напоминало ему о ней, от этого он отягощал себя работой, чтоб меньше находиться дома, и иногда забывался в алкоголе. Пьяницей не был, но выпивать любил. Когда часы времени оповестили о моём шестнадцатилетии, папенька посчитал, что родительский долг отдан, собрал вещи и переехал в деревню, подальше от осточертевшего дома. Тосковала ли я? Я бы так не сказала. Не о ком жалеть, отца я видела редко, а он в свою очередь родительской заботой меня не окружал, так и жили, словно соседи. Близкие и родные кровью, но душами чужие. Родиться на свет мне помогла та самая карга – профессор Фрея. Зашла к матери за настойкой в самый подходящий момент. Роды приняла, распрощалась с родящей и поприветствовала нового человека, нарекла – Фейт, что означает – судьба!

Глава 2. Сказка на ночь

– ЗАВАЛИЛА? Ах ты ж, жопа саламандры! Как ты могла завалить руны?

Эрика негодовала и пыхтела, а значит, бурлящий вулкан затухнет не скоро.

– Так и будешь прозябать в своей лавке благовоний, до-вольствуясь сушёными пучками и склянками с мазью для больных суставов? – не унималась рыжая, тараторя без остановки.

Откуда в ней столько энергии?

– Лавка травницы, – насупилась я, допивая имбирный эль, – для меня это важно, пусть она и маленькая, но это наследие матери. Знаете, в ней как-то по-особенному уютно, тепло, как будто часть мамы осталась в ней, как будто её душа обитает там, и я хочу сохранить это.

– Ещё пинту драконьего виски! – проорала в сторону трактирщика рыжая бестия. Уголки её губ почти незаметно дёрнулись вверх в мимолетной улыбке, и Эрика тихим шёпотом еле-еле слышно выдохнула: – Поступай как посчитаешь нужным.

Повисло молчание, и каждый в этот момент задумался о своём.

О своём, но об одном и том же чувстве – одиночестве.

В суматохе дня так легко затеряться среди бесчисленного количества людей. С наступлением ночи, когда чернеет небосвод, а город одевается сиянием тысячи огней, – воцаряется тишина. Тишина в душе. Пустая, с осознанием одиночества, заполняющим тебя изнутри.

Я перевела взгляд на Талию. Она сидела за столом и задумчиво покручивала ложку в горячем вине со специями. Она росла среди неимоверного количества слуг и не получила должного внимания и любви родителей. Первые двое детей семьи Десай – сыновья-близнецы, на чьих плечах ответственность за фамилию, наследники всего имущества рода. За их образование взялись, едва мальчишки начали говорить. Сухари, лишнего слова не скажут, лишней эмоции не покажут, дождёшься ли от них тепла и братской заботы? Никогда. Третий ребёнок и четвёртый – девочки, чьё замужество – это главная головная боль матери. Подготовка – дело не из лёгких. Этикет важнее всего: привлекательная внешность, приветствие, поведение, как нужно стоять, как нужно сидеть, как следует ходить, не танцевать больше двух раз с одним кавалером, падать в обморок – можно и даже нужно. Двух княгинь было б достаточно, но судьба послала ещё одну девчушку – третью! Было ли старшим сёстрам дело до Талии, если голова забита бантами, корсетами и тем кучерявым брюнетом, что так недвусмысленно смотрит? Нет! Их юность – прекрасная пора, время романтики и тайных свиданий, а не игры в салки с младшей сестрой.

Судьба – капризная леди, она послала родителям Талии ещё одного малыша – сына, что стал шестым ребенком в семье. Младший брат стал отрадой для материнских глаз, отдыхом от старших дочерей, и на какое-то время о Талии забыли вовсе. Она же вздохнула с облегчением.

В большой полноценной семье на неё просто не нашлось времени.

– Душа говоришь? – задумчиво протянула Талия. – Здорово было бы найти родного человека, свою вторую половинку. Наверное, нас это и свело?

Эрика положила голову на сжатую в кулак ладонь и шумно выдохнула.

Ей тоже не позавидуешь. Когда-то двое молодых людей, горящих мечтами о будущем, новыми идеями и приключениями, оказались не готовы к такому повороту судьбы. Первый курс, вкус свободы, новых впечатлений и открытий. И одно такое открытие прилетело спустя девять месяцев в виде кричащей огненно-рыжей малышки, не дающей ни минуты покоя ни днём, ни ночью. Хватило молодых родителей ровно на три года. Рыжее чудо тактично отсалютовали на попечение дедули и под покровом ночи свалили в закат, точнее за Синий хребет, изведывать новое и исполнять свои мечты. Проректор недолго изводил себя попытками совладать с маленьким огненным торнадо и нашёл с десяток няnek в ли-

це студентов-практикантов. Судьба такая у студентов – мучиться!

Так и проходило детство Эрики среди книг и молодых и не очень талантов. С последними было интересно дискутировать вечером у камина на кафедре, старое поколение многое знает и многое помнит. С первыми – познавать другие науки, но не менее интересные и тактильные. Однако человеку, выросшему бок о бок с мудрецами, на завтрак уплетавшему кашу и рассказы о дивных иных мирах, становилось скучно меньше чем через десять минут после того, как очередной молодой человек открывал рот. Да и характер у рыси был буйный и дикий, мало кто тянул, а после устроенного взрыва в лаборатории алхимиков её вообще начали обходить стороной.

В полноценной семье на неё просто не нашлось времени.

– Вот опять тебя потянуло на романтику, – не прекращая цедить виски, проскрипела рыжая. – Нормально ведь сидели, зачем всё испортила?

А я? На путь, которым я сейчас иду, наставила меня магистр Фрея.

«...и неплохо бы продолжить дело матери, целительство у тебя в крови», – говорила она, лукаво улыбаясь во все свои белоснежные тридцать два зуба... Она жемчуг ест? Откуда такая идеальная улыбка? Ой и не по-доброму как-то блеснули тогда глаза у карги.

До поступления в Академию друзей у меня не водилось,

заняться было нечем, поэтому все свободные минуты я проводила в маминой лавке да в садике на заднем дворе, выращивая похожие растения из книжек. Ещё книги подкидывала мне Фрея, любые, но почти всегда на рунах: сказки, учебники по травологии, азы магии стихий, легенды и мифы, сказания о Дикой Охоте, летопись о падших ангелах.

Ангелы? Дикая Охота? Как вообще эти фолианты оказались у меня? Возможно, карга перепутала адресата. Они ещё и на древнем наречии.

Домик с садом, лавка с травами, две подруги, старушка Винн, профессор Фрея – вот и всё, что есть.

Так в неполноценной семье на меня просто не нашлось времени.

Трактир «Тихий уголок» переставал таковым быть, когда наше кошачье трио туда забредало, а забредали мы довольно часто. У студентов всё просто: сдал зачёт – празднуешь, не сдал – пьёшь с горя. Терпели нас исключительно потому, что дедушка Эрики, пользуясь связями, помог устроить бестолкового сына хозяина таверны в элитарный отряд, занимающийся охраной господ.

– Эй, снежный барс, когда пересдача? – поинтересовалась рыжая.

Снежной кошкой меня прозвали из-за длинных белых волос и янтарных глаз.

Руны я знаю, как родной алфавит. Как я умудрилась их завалить? Хотя вопросы в билете были действительно сложные, а Фрея всегда была ко мне строга.

– Пересдачи не будет, – констатировала факт. И воспоминания вернули меня в кабинет рун.

– Зачёт? Но вы же сказали, что я грехоупала, и я подумала...

– Верно, ты, кхм, не справились с поставленной задачей, но на тебя у меня другие планы. Поможешь мне перевести одну работу, до которой у меня всё не доходят руки. С началом сумерек каждый четверг жду тебя у себя дома. Будешь приходить до тех пор, пока работа не будет полностью переведена. Держи.

В руки мне легла старинная тетрадка, обтянутая в коричневую кожу с серебряным замочком в виде цветка на ремешке.

Что это? Подснежник? Красиво.

Подковырнув замочек и раскрыв тетрадь на середине, я невольно ахнула.

– Древнее наречие? Да ещё и от руки. Но я не знаю настолько старый язык.

– Как раз и выучишь.

– Но... Зачем он мне?

– Настанет время, пригодится, поверь мне.

– Откуда это у вас? Она выглядит очень древней, – сказала

я и подумала: «Даже древнее вас».

– Реликвия... семейная, наконец, настало её время, – задумчиво ответила Фрея.

Так и буду ходить в девках, пробираясь через закорючки страниц давно минувших времён. Я пожала плечами и, прищурившись, с подозрением уставилась на каргу.

– И о чём она? Надеюсь, не сборник рецептов, будет жаль потерянного времени, – вымученно сказала я.

– Сказка, – улыбнулась Фрея. – Уверена, тебе понравится.

Глава 3. Рысь, пантера и снежный барс

«Культурные посиделки» свернулись ближе к полуночи, когда трактирщик корректно намекнул, что нам пора собираться, что на его простом языке звучало: «Рыжей больше ни рюмки, а пинту он может дать только с колодезной водой».

Решив, что нам здесь делать больше нечего, мы поплелись к выходу. Эрика шарахнула дверью так, что покачнулась вывеска.

– Еб... любись ты тем веслом, которое помогло тебе сюда добраться! – прокричала она дубовой двери. – Не наливают здесь, нальют в другом месте! Дамы, дедуле по окончании экзаменов выпускники подарили заморское винишко, он не был против поделиться со мной, приглашаю в свою обитель.

– Я пас, завтра четверг, мне нужно к Фрее.

– А я, пожалуй, «за», нам всё равно по пути, – хихикнув, проворковала Талия.

На этом и разошлись. Одно мироздание знает, как они доковыляли до Академии. Альма-матер находилась на возвышенности, видно её было со всех сторон города. Каждую дождливую осень, студёную зиму и слякоть весны я проклинала дорогу до неё. Идя вверх по колено в грязи осенью и

ранней весной или зимой по ледяному настилу. Хуже только дорога вниз. Поскользнувшись, можно было преодолеть этот путь на мягком месте, а иногда случалось, что пластом, лицом вперёд, ловя себя на мысли: «Почему не согласилась жить вместе с подругами в общежитии»?

Направившись в сторону дома, вдыхая свежесть июньской ночи, я задумалась о тетради, что дала профессор.

Фрея – личность странная, о ней мало что известно. Даже Эрике, живущей в профессорском общежитии, нечего было о ней сказать.

«Я спросила деда о карге, и знаете, что самое странное? Ничего дельного я так и не услышала. Дедуля не может вспомнить, преподавала ли она, когда он устраивался в Академию, или же появилась после. Она просто была априори. А я с ней не особо общалась, её практически никогда не было на кафедре».

И действительно, профессор ведёт лекции только на последних курсах, хотя руны начинаются за два года до него. Первые два года лекции читали студенты-практиканты. Когда знаниями делится Фрея, она всегда расхаживает по аудитории, и ты видишь только её профиль, но чаще лицезришь спину. Спроси студента о её внешности, ответят – старуха с гулькой, серебряная мантия, круглые очки с толстыми линзами, что-то поблескивает на запястье и кольцо на среднем пальце. Хотя поговаривают, что зрение у неё прекрасное. Да и если всмотреться в её лицо, то не назовёшь её старой, как

бы описать... Как будто вековая усталость тронула её лицо, словно пережила все тягости мира и обременена его горестями.

А кто в неё всматривался? Кому это могло быть интересно? И даже если попробовать рассмотреть, то её образ теряется в воспоминаниях. Она не обедает в столовой, редко бывает на кафедре, живет... святые Небеса... за городом. Даже не в деревушке близ городских стен – она живёт на опушке леса.

Так стоп! А когда мне стало известно, где живет Фрея? Чудачество какое-то. Может, она феяри из сказок? Чем больше я размышляла об этом, тем больше появлялось вопросов.

Так, потерявшись в своих мыслях, шла, не глядя под ноги.
– У-а-а!

Чьи-то сильные руки подхватили меня, не дав встретиться лицом с брусчаткой.

Руки... Кто-то сжал меня и крепко держит в своих объятиях...

– А-а-а!

– Успокойся, я не причиню тебе вреда.

Знакомый голос...

– Эйдан?

– И тебе доброй ночи, Фейт. Твои подруги плохо на тебя влияют, неуместно в столь поздний час находиться на улицах города девушке навеселе.

Удивленно подняв брови в ответ на его высказывание о моей личной жизни, которая, кстати, его совершенно не касается, я выпуталась из цепких рук.

– Ты как демон из коробки! – воскликнула я.

Что это было? Отвращение или... На секунду мне показалось, что гримаса ненависти исказила его лицо. Ещё одна ходячая тайна.

– Ты не такая, как они, и не стоит им уподобляться, – его серьёзный тон заставил меня напрячься.

– Знаешь, Эйдан, я бы сейчас могла сказать банальность в духе деревенской дурашки: «Откуда тебе знать?», но что-то мне подсказывает, что ты не просто так оказался на этой улице. Ты же не в этом районе живёшь, верно? Ты следил за мной?

– Да, – сказал, как отрезал.

У меня не было слов. Так и стояли, как два истукана, впеврившись друг в друга взглядами.

С ним тяжело общаться, если наши перекидывания парой фраз можно назвать таковым, и всегда я выхожу проигравшей, или же мне просто не хочется войны.

Посмотрев в его серьёзные глаза, я вдруг вспомнила первый день нашего знакомства.

Академия Иордина. Семь лет назад

– Магия – это хаос, огромный, но не бесконечный. С каждым столетием магии в нашем мире становится всё меньше. Она истлевает и возвращается туда, где она зародилась, –

в мироздание. Она не принадлежит и никогда не принадлежала всем, но оглянитесь, ранее этот зал занимали тысячи учеников, сейчас не наберётся и трёх сотен. В этих стенах вам покажут, как управлять стихией, дарованной вам хаосом, и, возможно, позже в вас откроется дар ещё одной. Мы будем делиться с вами знаниями, что копились тысячелетиями, будем исследовать и познавать новое. Магия – не наука, это вещь изменчивая и опасная. Проходя ступеньку за ступенькой, мы будем пытаться понять её природу. В этих стенах вам расскажут о зарождении магии и войне троимирия, о магических существах, что жили с нами по соседству и ушли в другое измерение, древних языках, алхимии и многом другом, не имеющим отношения к магии, но не менее интересном. Я, Эдвард Бурланд, заместитель ректора Академии Иордина, приветствую новоприбывших и желаю бесконечного вдохновения, ибо оно заставляет нас двигаться вперёд. Ректор Агриппа, желаете что-то сказать нашим юным дарованиям? – приподняв вопросительно бровь, проректор обратился к рядом стоящему человеку.

За трибуну встал худощавый высокий мужчина средних лет с волосами каштанового цвета. Выглядел он помятым, и складывалось ощущение, что секунды назад он был в лаборатории, где произошёл взрыв.

– Не ожидайте прямых ответов на прямые вопросы. Не ожидайте не прямых ответов на не прямые вопросы. Пусть удача всегда будет на вашей стороне, – кивнув на прощание

и развернувшись на каблуках, ректор зашагал прочь, не обращая ни на кого внимания.

– Зайберт Агриппа, ректор Академии и преподаватель метафизической природы и её существ. Интересный челове-
чишка, – прозвучало около моего уха.

Я подскочила от неожиданности.

Выросший из ниоткуда парень пристально смотрел на меня тёмными, как патока, глазами и улыбался. Его волосы были снежно белыми и заканчивались ниже лопаток. Он был на полторы головы выше меня: статный, светлая кожа, высокие скулы, правильные черты лица. Аристократ.

Человечишка... Он только что назвал ректора челове-
чишкой? Не придумав ответа на его высокомерное высказы-
вание, я решила представиться:

– Вар...

– Вархайт. Фейт Вархайт. Знаю. Моё имя Эйдан.

Он смотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе. Глаза изучающие, и... он как будто пытался разглядеть во мне что-то, пытался найти ответ.

Мои размышления оборвал голос проректора.

– Прошу пройти всех в соседний холл для определения коснувшейся вас стихии.

Толпа начала своё движение, и, повернув голову в сторону Эйдана, я не обнаружила его рядом с собой. Исчез так же внезапно, как и возник.

Его появления в моём пространстве на протяжении семи

лет обучения в Академии были редкими, короткими и сухими. Начинались так же неожиданно, как и заканчивались. Лаконичный, сдержанный, воспитанный, наделённый блестящими способностями и талантами в науках, таинственный, не подпускающий к себе никого, кроме меня, он вызывал много сплетен, споров и женских вздохов.

Соседний холл, в отличие от предыдущего, не имел окон, тусклое освещение передавало атмосферу таинственности и важности момента. В центре стоял постамент с чашей, над которой парила обсидиановая сфера. Пока что чёрного цвета, но прикоснись к ней маг стихии воды, и шар мерцает всеми оттенками синего.

Парень в серой мантии студента вышел на середину холла и прокашлялся, обращая на себя внимание собравшихся:

– Я произнесу имя и фамилию студента. Названного прошу подойти к сфере и возложить поверх руки.

– Маг ветра, – смотря на парня, произнесла незнакомая девушка и, повернувшись ко мне, пояснила: – Студенты, чьих душ коснулась воздушная стихия, носят серые мантии.

Девушка с синими глазами протянула мне руку.

– Надеюсь, ты не против? Ты стояла одна в стороне, и я подумала, что тебе бы не помешала компания. Меня зовут Талия. Думаю, мы с тобой подружимся. Нет, я точно знаю.

И даже если бы я первоначально была против, то простила бы ей это. Я бы простила ей все грехи мира, ибо никогда в жизни не видела очаровательнее улыбки, чем у неё. Она

была одета в элегантное тёмно-синее бархатное платье ниже колен с длинными рукавами-воланчиками. Её шелковистые волосы цвета самой тёмной ночи в году аккуратными волнами струились вдоль спины.

– Вудард – воздух.

– Ярборро – вода.

– Как думаешь, к какой стихии ты принадлежишь? – проворковала брюнетка.

– Уайтт – земля.

Вот награждает же мироздание людей. Нет, я не считала себя некрасивой, напротив, родители наделили меня симпатичной внешностью, тонкостью черт лица, янтарными глазами, хрупкостью, но поноси ведра с водой для грядок с десятков раз на дню и затвердеет не только мускулатура, но и характер, манеры и речь. А она – голос, как патока, «очаровашка», по-другому и не скажешь. Интересно, если её укусить, передастся хоть десять процентов этой милоты?

– Я не пробовала управлять стихиями, практиковаться без надзора магистров строго запрещено.

– Да, ты о том случае, что произошёл одиннадцать лет назад? Ужасно, правда, утонуть на суше. Стихия вышла из-под контроля и поглотила своего обладателя.

– Келлер – вода.

– Силверской...

К трибуне, на которой стоял постамент, шёл, а, скорее, плыл, парень. Длинные снежные волосы развевались, словно

лёгкий ветерок колыхал их.

Эйдан!

– Вау, – прошептала Талия, – он словно божество со страниц древних фолиантов, красавец, правда?

Риторический вопрос, он действительно нечто.

Молодой человек грациозно опустил руки на сферу, и в ту же секунду зал озарился всеми оттенками алого. Повисла тишина, такая, что можно было услышать, как танцуют пылинки, вихрясь и взмывая к потолку от восторженных вздохов будущих студентов.

– Маг огня, – провозгласил юноша.

Сфера снова наполнилась светом, уже серебряным. По залу прошли шепотки.

– Ух ты, – присвистнула Талия, – две стихии. Огонь и воздух – это редкость, тем более в таком возрасте.

Эйдан же не был удивлён. Он так же грациозно убрал руки от сферы и посмотрел на меня.

Откуда ему было знать, где я стою? Он смотрел так пристально, что опять позвоночник прошила ледяная стрела.

– Вы знакомы? – наклонилась к моему уху Талия, говоря тихо, чтобы не нарушить тишину, царящую в зале.

– Мимолетно.

А внутри всё сжималось... от страха? Благоговения? Определённо, его взгляд, его присутствие рядом со мной вызвали во мне беспокойство. Так, наверное, чувствует себя косуля, ощущая присутствие волка.

Где-то не так отдалённо послышался цокот каблучков по плитке коридора.

– Грелль – земля.

– Десаи...

Снова шёпот... «Княжеское чадо», «в этом году с нами учится кто-то голубых кровей» ... «Кто».

– Что ж, это я, – прошептала мне Талия, улыбнулась и двинулась к постаменту.

– Воздух, – провозгласил парень в серой мантии. – Добро пожаловать в братство ветра, – подмигнул он ей и, осознав, что только что сделал, прочистил горло и уставился в пергамент в поисках следующей фамилии.

Ей подходит эта стихия, ведь Талия показалась мне такой же лёгкой, воздушной, грациозной, как морской бриз. Улыбаясь, она подошла ко мне.

– Не удивлена. Моя бабушка тоже владеет воздушной стихией.

Цокот становился всё слышнее, обладатель каблучков явно срывался с ходьбы на бег и обратно.

Бум. За стеной что-то рухнуло и разбилось.

– Разорви тебя вепрь! – послышался женский голос за дверью. – Какой телепень поставил этот бюст на повороте?

В зале начали тихонько хихикать. Кто-то из преподавательского состава закатил глаза, кто-то прикрыл лицо ладонью.

Дверь отворилась, и в холл влетел ворох рыжих волос в

перекошенной красной студенческой мантии.

– Оу, тут ещё не закончили, – проговорила девушка. – Что ж, я Эрика Бурланд, маг огня.

Развернувшись так резко, что всколыхнулась копна волос, девушка вышла за дверь, аккуратно прикрыв её за собой.

– Она сказала Бурланд? – переспросила я Талию.

– Верно, внучка проректора. Лично с ней не знакома, они с магистром Бурландом были у нас на балу в честь летнего солнцестояния, но познакомиться так и не получилось.

– Вархайт...

Ну вот и момент истины.

На ватных ногах я пошла к постаменту, возложила руки к сфере, и мироздание наградило меня стихией...

Никакой... Ничего не произошло.

Эээ... чего? Бесталантище?

Просто прекрасно. Я обладала магией, маленькой толикой и конечно не смела рассчитывать на огненную стихию, но отдавая всю себя на выращивание целебных растений, питала надежду на обладание магией земли. Стало обидно, что мироздание обделило меня, но ничего поделать с этим не могла. Проглотив подступающий комок в горле, тяжело выдохнула и направилась в глубь толпы к своей новоиспеченной подруге.

По окончанию определения рода магии первокурсников разделили на группы. Я, благо, попала в одну с Десаи.

Эйдана Силверскай, храни меня Небеса, распределили в

другую, что, похоже, ему радости не принесло. Он смотрел на меня так пристально, что даже позвоночник заledenел. Что ж, парные лекции никто не отменял, а длинная дорога в семь лет не раз сведёт нас вместе.

Двоих изгоев-первокурсников определили сразу после распределения стихий. Княжна, с которой мало кто хотел связываться из опасения попасть в неприятности – среди высшего общества и их окружения нечасто, но кто-то пропадавал, кто-то умирал от странных болезней, кто-то скоропостижно переезжал в другие страны. Как ни прельщали яркие огни светской жизни, роскоши и благородства, своя пятая точка всё же ценнее. И вторая звезда отбора, затмившая всех: Фейт-пустоцвет.

С Эрикой мы познакомились, когда прошло три недели с момента первых занятий.

Кабинет метафизики магистра Агриппы, десять минут от начала лекции прошло, как в дверь постучали. Профессор, кажется, не услышал стука и продолжил рассказ о коварстве фейри. Дверь тихо отворилась, и в кабинет просочилась рыжая бестия, с грацией кошки приземлившись на единственное свободное место.

– Возьмёте к себе третьей? – лукаво улыбнувшись, стрельнула глазками рыжая.

– Да, садись, здесь сво... – но, не дав мне договорить, рыжая прервала на полуслове. Задрав гордо носик, она проговорила:

– Я не об этом. Вам ведь известно, что обо мне говорят. А мне катастрофически не хватает друзей. Давайте дружить и докажем этим трясогозкам, что они чертовски правы.

Так этот короткий разговор положил начало новой дружбе одиноких, разных, как стороны света, как стихии, которыми они обладали, девушек, не представлявших, какие чудеса их ждут впереди.

– Будь осторожна, – долетело до моего слуха, и я очнулась от окутавшего меня тумана воспоминаний.

В ответ я лишь кивнула головой и, развернувшись, направилась в сторону своего дома, ощущая на себе пристальный взгляд тёмных шоколадно-карих глаз Эйдана.

Глава 4. Чем дальше в лес

Экзамены сданы, а значит, можно поваляться в кровати.

– Нет, нельзя, – простонала я, беспокойно заворочавшись.

Кто откроет теплички, кто польёт растения, кто разотрёт в ступке коренья? Доход от лавки небольшой, но на жизнь и на всякое девчачье хватало.

Кто молодец? Я молодец, горжусь собой.

Вечером нужно к профессору Фрее, а на завтра Эрика предложила устроить пикник у реки.

– Дел много, вставай давай, воительница, – пыталась вдохновить себя. Получалось плохо, всё-таки, когда живёшь одна, грешная лень – твоя соратница!

Проковырявшись до самого вечера в лавке, не заметила, как быстро пролетело время. Уже опаздывая, я наспех приняла душ и, одеваясь, затолкала в себя бутерброд.

– Клянусь Небесами, я буду когда-нибудь питаться нормально, – пообещала себе в тысячный раз и, захватив мазь, вышла в сумрачный город.

Народу на улицах было не так много. Меж домов гулял прохладный ветерок. Уже на подходе к нужному домику увидела улыбающееся лицо.

– Как обещано, мазь для ваших суставов, бабуля Винн, – вручая скляночку, сообщила старушке.

– Храни тебя вечное пламя А ...

...секундная задержка...

– Аааднако, куда собралась в столь прекрасный вечер? – перевела тему Винн.

– К профессору Фрее, отрабатывать долг, – сделав самое невинное лицо, на которое была способна, будто не расслышала, что она только что едва не сказала, ответила я.

Дабы избежать странной неловкости, я решила поскорее распрощаться.

– Доброго вечера вам.

– И тебе прекрасного, передавай «привет» Фрее, – ковыляя к двери дома, бросила на прощание старушка Винн.

Даже не хочу об этом думать. Вместо этого прибавила скорости, ведь я и так порядком опаздывала, а путь неблизкий, аж к лесу.

Я знаю профессора Фрею с тех пор, как себя помню. Виделись мы редко, на чай с печеньками друг к другу не ходили, но она всегда участвовала в важных решениях в моей жизни, таких, например, как сохранение маминой лавки или поступление в Академию. Я не была уверена в своих магических возможностях, но и Академия уже не славилась обучением магов. Философия и риторика, ораторское искусство, история и архивы, литература и живопись, целительство, медицина, анатомия, физиогномика, гербология. Академия принимала всех, выбрать изучаемые факультеты можно было в соотношении со своим жизненным укладом.

Никогда и в то же время всегда рядом в трудный момент. Мне казалась, что Фрея наблюдает за мной, возможно, она мой ангел-хранитель? Неизменно строга, придирчива ко мне. Самые сложные рунические тексты, самые сложные вопросы на лекциях доставались исключительно мне.

Я шла по узкой тропинке. Плохо протоптанный путь свидетельствовал о том, что по нему ходит только один человек. На траве уже стала появляться лёгкая роса.

Какой же чистый воздух за городом. Какие прекрасные звёзды. Меня всегда восхищал небосвод. Я часто выходила за пределы душившей меня каменной тюрьмы и смотрела, как на темнеющем небе появлялись первые мерцающие огоньки.

В окне дома горел свет. Яркая сфера, словно путеводная звезда, указывала путь в окружающем меня сумраке.

Дверь скрипнула и выпустила яркий свет наружу.

– Добрый вечер, профессор Фрея.

– Здравствуй, Фейт, проходи.

Чего я ожидала? Пряничный домик?

Первое, что бросилось в глаза – это цветы. Огромные клумбы были разбиты перед домом. Внутри было уютно, симпатичное, в спокойных тонах убранство и снова цветы, на этот раз в горшках.

Возможно, это дом дриады?

В помещении пахло ладаном. Я впервые здесь, но словно вернулась домой – странное ощущение.

На профессоре не было очков. Одета в прямое, серого цвета платье в пол, и на руке поблёскивал браслет с подвеской в виде цветка. Серебряное украшение в виде бутончика подснежника. Волосы были непривычно распущены и ниспадали до поясницы.

– Готова приступить к переводу? – обратив внимание, что я рассматриваю её браслет, обратилась ко мне Фрея.

– Честно? Нет.

До сих пор не понимая, зачем мне изучать древнюю речь, я перевела взгляд на картину, висевшую на стене, смотря то ли на изображение, то ли сквозь него.

– Это битва войск света с войском тьмы.

Я переступила с ноги на ногу. Как же неловко. Не выдержав больше изучающего взгляда Фрей, спросила, где мне расположиться.

– Пройдём в мой кабинет.

Будучи уверена, что я последую за ней, профессор повела меня в глубь дома.

Пройдя по длинному тёмному коридору, мы оказались перед... воротами? Такие тяжёлые, массивные двери, словно по ту сторону находится Королевская казна, не вписывались в интерьер дома. Фрея с нажимом толкнула их и жестом велела мне проходить, пропуская вперёд.

– О святые Небеса, как же здесь красиво!

Если бы райские сады существовали, то они выглядели бы именно так.

Кабинет просто утопал в зелени и цветах. Однозначно, потрачено огромное количество магии на это великолепие. Не только знания травологии, но и расширения пространства, ибо невозможно было вместить всё, что находилось в саду, даже в размер дома, а уж в размер кабинета и подавно. Цветы, деревья, от обыкновенных ив до цветущих под потолком белоснежными цветами магнолий. Акации и миндальное дерево, розы, гортензии, орхидеи и, конечно, подснежники, целое поле подснежников. Посередине стоял мраморный каскадный фонтан. А сверху – звёзды. Вместо привычного потолка – небосвод. Поодаль стоял стол. Ступая к рабочему месту по ковру из травы, я не могла подобрать слов, чтобы передать восхищение этим местом. Поистине, волшебство, и как же оно прекрасно. Жаль угасает.

– Тебе известно, почему магия иссякает? – присев в плетёное кресло, обратилась ко мне профессор.

Она мысли читает?

– В древних фолиантах говорится, что это случилось после битвы троимирия. Нет победителей, нет проигравших, огромные потери среди троих представителей миров. Небожители, люди, волшебные существа и демоны за одну ночь практически уничтожили всё то, что создавали с начала времён, а после фейри начали покидать мир людей, уходя за завесу. Общение с волшебными существами начало сходить на нет, как и сама магия.

– Верно, – сухо проговорила профессор.

Глубоко вдохнув и пожелав себе удачи, я принялась за перевод.

Сказать, что за три часа я далеко продвинулась – ничего не сказать. Перевела с десятков рун, как могла, и голова загудела.

– Проклясть бы вепревой оспой тех, кто придумал этот язык, – фыркнула я и откинулась на спинку стула, разминая шею.

– То есть всех ангелов? – отложив книгу в сторону, обратилась ко мне Фрея. – Показывай, что у тебя получилось.

Собрав раскиданные по столу записи с исправлениями, я начала читать свой многострадальный перевод.

– Много мужчин было. Падшая женщина шла по пути крови в погреб к мужчине. Разорвав одежду, он смотрел на неё глазами смерти.

Оторвавшись от записей, я задумалась над смыслом сказанных слов, а ведь на страницах пергамента они звучали как-то более сдержано.

Профессора как будто окунули в ледяную воду: высоко поднятые брови, приоткрытый рот, выражение лица человека, который только что услышал самую вселенскую чушь мироздания.

С её губ сорвался смешок, быстро переросший во взрыв смеха. Слезы текли по её щекам, тело сотрясала дрожь. Звонкий, залиvistый, заразительный смех заполнял всё пространство оранжереи-кабинета, а я впервые увидела её такой

жизнерадостной и невольно улыбнулась.

– Ох, Фейт, это было бесподобно и неожиданно, прости, я... – сквозь еле сдерживаемый новый порыв смеха попыталась сказать мне Фрея.

– Да что уж тут, действительно бред фейри, – поджав губы, я скользнула взглядом по своим закорючкам. – В рунах без бутылки не разобраться, а уж чтоб читать древний текст, нужно что-то явно ядрёное и крепкое, – и подняв глаза к цветущей магнолии, глубоко вдохнула аромат цветов, витавший повсюду.

– Покрепче, говоришь, – постукивая пальцем по щеке, улыбалась мне профессор. – А знаешь, это чудесная идея.

Грациозная, как лебедь, она выплыла из кабинета и спустя пару минут вернулась, неся в одной руке поднос с фруктами и сыром, а в другой небольшой бочонок из белого дуба.

Странное чувство зарождалось в душе.

Поставив на стол два хрустальных кубка, разлила в них янтарного цвета жидкость.

– Цвет твоих глаз, – произнесла профессор и, подав мне бокал, отсалютовала: – За начало прекрасной истории!

Крепкий напиток обжёг горло. Прокашлявшись, я pokrутила бокал в руке, залюбовавшись игрой цвета.

– Я ни за что бы не поверила, если бы мне сказали, что вы пьёте виски, профессор, – всё ещё любуясь переливом жидкости, сказала я.

– Мне больше подходит вишнёвая настойка? – изучающе

смотрела на меня Фрея. – Мой сын любил этот напиток, этот бочонок его подарок.

– Сын? – я удивлённо взглянула на профессора. – У вас есть сын?

– Есть, но мы с ним давно не общаемся. Так сложилось. – Вздохнув, Фрея продолжила: – Нам необходимо быть вдали друг от друга. Только так я смогу защитить его от отца.

Пригубив напиток, решила на ещё один вопрос.

– Ваш муж был жестоким человеком?

Тут уже глаза на меня подняла профессор, оторвавшись от янтаря в бокале.

– Он таким стал.

Видимо, воспоминания вернули профессора во времена прошлые. Она выглядела так, будто её жизненное время остановилось. Живая статуя, в эти минуты тишины, безумно красивая, черты лица нежные и мягкие, лебединая шея, глаза, как глубокий океан, – идеальная. И с чего я решила, что она похожа на старую каргу?

Я не решалась прерывать размышления профессора, но когда-нибудь я спрошу её, из нашего ли она мира?

Первой заговорила Фрея.

– Он был как глоток воздуха, порывистый ветер в штиль. Горел идеями, умел очаровать, умел заинтересовать и вдохновить. Его слушали и им восторгались. Он был олицетворением свободы, дикости, и она манила. Я выбрала его, я за ним последовала. Жалею ли я о сделанном выборе? Нет. Од-

нозначно нет. Поменяла бы я своё решение, зная, каким он станет, – ещё раз нет. Я до сих пор его люблю и буду продолжать любить. Любить те воспоминания, когда мы были молоды, свободны и счастливы, когда мы боролись друг за друга и против всех, когда у нас появился ребёнок, когда нам пришлось уйти из дома. Любить за силу духа, за чувства и эмоции, которые он разбудил во мне. И пусть сквозь время он изменился, стал жестоким, чёрствым, не слушающим никого, для меня он навсегда останется тем лучом света, теми крыльями, что выросли у меня за спиной, хоть и были отняты.

– Простите, что вернула вас в печальные воспоминания, профессор Фрея, не стоило мне спрашивать, это не моё дело.

– Всё в порядке, иногда стоит вспоминать прошлое, чтобы чётче видеть, ради чего живешь.

– А ради чего вы живёте, профессор?

Демоны Ада, кто ж меня за язык-то тянет?

– Любовь, Фейт, я живу благодаря и ради неё. Это прекрасное и жестокое чувство. Мой сын – кто бы мог подумать, что он такой романтик, – влюбившись до беспамятства, однажды сказал, что его любовь – это свет, солнечный свет, отражающийся от белых цветов. Её чистота подобна только что выпавшему снегу или лепесткам подснежника. Это мощный энергетический поток, похожий на пламень огня, исходящий от сияния в душе, что искрится тонкими лучами белого, голубого и золотистого цвета, от этого сияния исходит нежное

тепло, что греет не только душу, но и всё тело.

Я пыталась представить, как мог выглядеть её сын, но он действительно был романтиком.

– Найти бы такую любовь, профессор, ведь не каждому выпадает шанс.

– Она тебя найдёт сама, Фейт. Я обещаю.

Встав с кресла, профессор подошла ко мне и, посмотрев в мои записи, снова улыбнулась.

– Этим символом обозначают не мужчину, а человека, не имеющего жизни, простым языком – труп. Руну, что ты приняла за «падшую», можно было посчитать таковой, но она зеркально отражена, значит, имеет другой смысл. Не падшая, а – возвышенная или «высшая», те, кто жили выше облаков, так раньше нарекали небожителей, то есть ангелов. Древние руны читаются от верхних строк к нижним, поэтому у тебя получился хаос.

Уже далеко за полночь и с изрядным количеством алкоголя в крови не без корректировки профессора я изрекла:

– Готово! Первый победный лист. Думаю, если я буду жить вечно, то переведу вашу книгу, профессор.

– Не сопротивляйся древним рунам, Фейт, вникай в них так, словно знаешь их, прими их, пропусти через себя, и тебе станет проще намного. У тебя на завтра были планы?

– Да, профессор, с девочками мы решили немного отдохнуть после тяжёлых выпускных экзаменов. Устроим пикник за городом, хочется тишины и единения с природой.

– Это прекрасная идея. Есть замечательное место, тихое, спокойное, и в озере уже можно поплавать, думаю, вода прогрелась.

– Рядом с нами есть озеро? – удивилась я. – В лесу?

– Верно. Левее дороги на большак, где стоит указатель, уходит тропинка в лес. Лесорубы протоптали её очень усердно, не пропустишь.

Как-то слишком ярко блестят у профессора глаза, аж слепит. Усталость и алкоголь сказались, и меня потянуло в сон. Фрея предложила остаться на ночь, проводив в соседнюю комнату, и едва моя голова коснулась подушки, я провалилась в сон.

Проснувшись от урчания в животе. Перевернувшись на спину и уставившись в незнакомый потолок, я вспоминала вчерашний вечер. За несколько часов я узнала о Фрее больше, чем за все свои двадцать один год жизни.

И снова это странное чувство. Как прийти на пир, но вот повод не весёлый.

Из размышлений меня вывел сладкий запах яблочного пирога с корицей. В животе снова заурчало. Я соскочила с кровати и побежала в сторону кухни.

– Доброе утро, профессор.

– Доброе обеденное, Фейт. Умыться можешь в ванной, иди по коридору, первая дверь слева, а я пока закончу при-

готовления.

– Обед? Сколько сейчас времени?

– Без четверти час.

Ой, что будет. Эрика моё опоздание припоминать будет до следующей жизни.

– Профессор, я...

– Фрея, наедине можешь звать меня по имени.

– Проф... Фрея, простите, я уже опаздываю и...

– Садись и поешь! – голосом, не терпящим возражений, таким ледяным, что сам Ад мог бы замёрзнуть, сказала профессор.

– Хорошо, – пропищала я.

Жутко... Ух, как ушат ледяной воды вылили.

Каша из пшеничной муки, мёда и молока, бутерброд с сыром и маслом, яичница, чай с травами и яблочный пирог.

Пресвятые Небеса, как вкусно. Как давно я ела полноценный завтрак?

– А вы не будете обедать?

– О, нет, это всё тебе. Знаю, последние два месяца выдались тяжёлые: подготовка и выпускные экзамены для студента нервная пора. Отошала ты стала. – Улыбнувшись, летая где-то в своих мыслях, Фрея добавила: – Да, мне это с рук не сойдёт.

Когда с завтраком было покончено, я поблагодарила профессора, забрала книгу и свою сумку с переводом, пообещала прийти в следующий четверг и, выйдя за порог дома, рва-

нула со всех ног в сторону города.

Встретиться мы договорились на выходе из города. Девчонки стояли ко мне спиной. Набрав в грудь побольше воздуха, произнесла: – Простите, я опоздала!

Что я могла ещё сказать?

– Рагорово гузно, зачем так подкрадываться? – вскрикнула Эрика, оборачиваясь ко мне.

– А почему ты со стороны леса идёшь? – поинтересовалась Талия.

– Я ночевала у профессора Фрей, – прокряхтела я, пытаюсь отдышаться.

Эрика прищурила глаза.

– Так, Фейт, а где провизия?

Рыжая смотрела с такой серьёзностью, а я лишь хлопала глазами.

– Провизия? О чём ты?

– О том, мой прекрасный снежный барс, – подойдя ближе, Эрика опустила руки на мои плечи, – что я ответственна за алкоголь, Талия берёт кастрюльки, а с тебя, садовник ты наш, была еда. Мы это обсуждали в таверне. Мы ж на пикник собрались.

Втянув воздух рядом со мной, Эрика многозначительно посмотрела на меня.

– Ты что, с попойки?

– Ни да, ни нет. Вчера профессор угостила виски и...

– Виски? Карга пьёт виски? – рыжую, видимо, забавляла

ситуация.

– Не карга она, и...

Талия хлопнула в ладоши, обращая наше внимание на себя.

– Так, девочки, хватит! Мы уже значительно отстаем от графика. Нет еды? Что ж, обойдёмся без неё, просто свернёмся пораньше, вот и всё. Пойдёмте уже к реке.

Я припомнила вчерашний разговор с Фреей и сообщила об озере в лесу. Да и лето на дворе, а значит, жимолость уже должна плодоносить, ранняя земляника и смородина, ещё и ранние грибы должны быть. Вот и провиант.

– Озеро? – хором переспросили девочки.

– В лесу есть озеро, серьёзно? – высоко подняв брови, уточнила Эрика.

– Впервые слышу, – прощепетала Талия. – Я, конечно, по лесам не брожу, но то, что у нас рядом есть озеро, слышу впервые. Я «за», Эрика?

– Спрашиваешь ещё. Лес, озеро, алкоголь и три девицы. – В глазах рыси затанцевали дьяволята. – В этом году Белтайн прошёл скучно, вы были слишком заняты экзаменами. Конечно, «за».

Почувствовалось, что температура поднялась на пару градусов.

Дойдя до большака и найдя тропку, с энтузиазмом и в приподнятом настроении мы двинулись дальше в лес.

Поначалу нас окружали только деревья и голая земля, но

чем дальше мы углублялись, тем разнообразнее становилась флора. Появлялись цветы, дикие ягоды. Запах стал разряженный. Белки прыгали по деревьям, птички щебетали. Где-то через пятьсот метров перед нами раскинулась опушка леса.

– Это просто удивительно – изрекла Талия. – Я, конечно, живу во времена магии, хоть и слабой, но вы посмотрите на эту красоту.

Палящее солнце заливало поляну, и она словно светила. Пахло сосновой смолой и свежестью, как после закончившегося дождя. Цветы устилали опушку разноцветным ковром, лёгкий ветерок ласкал кроны деревьев и мягко окутывал наши разгорячённые тела.

Поляна пряталась в окружении величественных дубов, стройных сосен, елей и разнообразных кустарников, а по левую руку вырисовывалась зеркальная гладь. Небольшой естественный водоём. Прозрачная голубоватая вода просвечивала насквозь, в некоторых местах вода колыхалась. Там били подземные источники. В озере отражалось небо с воздушными облаками, они создавали на волнистой поверхности ощущение сказки.

Заворожённые, мы переглянулись друг с другом. Не нужно было слов. Завизжав от восторга, скидывая на ходу поклажу и раскидывая вещи, мы побежали к озеру. Барахтаясь и брызгаясь в воде, мы были поглощены весельем, не замечая, что рядом в кустарниках дикой жимолости что-то зашурша-

ло, и пара глаз обратила на нас взор, а по лесу песней ветра разнеслось – *orifann inne woed**.

**Чужак в лесу.*

Наплававшись вдоволь, мы расположились на ковре из клевера, расстелив поверх широкое покрывало.

– Ждём подробностей. Стой, погоди, я принесу вино, Та-лия, тащи кубки!

Разлив немного вина по бокалам, я поведала девочкам историю вчерашнего вечера.

А где-то глубоко в лесу Илвун проходило другое собрание.

– Госпожа, что прикажете делать с непрошеными гостями?

– Чем занимаются зелигены, хвосты коровам крутят? Как чужаки прошли в глубь леса? – слышалось из зала.

– Лучше спроси, как они прошли завесу?

– В мире людей сейчас нет таких колдунов, кому по силам пройти грань. Ну, может, один, но этот сумасшедший не покидает территорию... Как там его... где учатся эти смертные?

– Точно уверены, что они люди?

Взоры собравшихся обратились к годлингу.

Маленький божок, переступая с ноги на ногу и теребя ту-ничку, стоял поодаль и явно чувствовал дискомфорт, смотря на хозяйку леса и обитателей зала собраний.

– Это... ну того, сижу я ягоды жую, и тут визг такой, я аж поперхнулся, потом вжух, пронеслись голые жопы мимо меня, а потом плюх, и брызгов столько было. Я, стало думать, ундины опять с лешим бражку гоняли, да не тут-то было. Девушки человеческие, плещутся и визжат, как лихо у колодца. Я дриадам сообщил, а уж они по лесу весть разнесли. Вот так, госпожа, честненькое и правдивое.

Хранительница леса, одна из числа первых дриад, что появились здесь, когда лес только зарождался и первые ростки дубов прорезали землю, была стройная, как молодое дерево, высокая, волосы цвета шоколада, оливковая кожа и карие глаза. Глаза, что видели, как рождались и исчезали миры, государства, города и их правители. Осиная талия и лебединая шея, но время потихоньку начинало забирать своё. На человеческий возраст ей можно было дать лет пятьдесят пять, на возраст фейри ей было давно за пару тысяч лет.

Хозяйка леса внимательно осмотрела каждого из присутствующих на собрании.

– Очень давно в наш мир не ступала нога человека. Есть ли в них что-то особенное, раз барьер, защищающий нас от мира людей, пропустил в глубь леса девушек? Скажите, жители леса Илвун, считаете ли вы, что они несут угрозу в наше бытие, и как с ними следует поступить?

– Не вижу необходимости переживать по этому поводу. Утопить, а тела пустить по течению реки, доплывут до города, а там пусть люди разбираются, как всё было, – покру-

чивая один из усов, проговорил тучный мужчина, развалившийся в кресле из камыша, тины и водорослей.

– Ни в коем случае. Держи свой дикий нрав при себе и подальше от наших гостей, хоть и непрошенных, Водяной. Девушки юны и прекрасны, им ещё жить и жить. Если есть нужда, я отправлю своих дев присмотреть за ними.

Старшая из берегинь, женщина с белой прозрачной кожей, через которую можно было рассмотреть вены, с длинными, до земли, волосами, излучавшими золотой свет, поднялась со своего места и произнесла: – Заворожим их, пусть для них обернётся всё миражом, или же оставим всё, как есть, и уйдут они так же, как и пришли.

Боковым зрением Хранительница леса заметила, что в зал вошла одна из дриад, кому поручено стеречь границы, и она обратилась к вновь прибывшей.

– Руа, что ты узнала?

Лучница поклонилась.

– Госпожа, девушки не подозревают, что прошли грань миров. Они поглощены собой и своими разговорами. Цветы не рвут, деревьям вред не наносят. Две из трёх обладают магическим даром стихий, сидят на поляне и ждут, пока другая насобирает грибов и ягод. Третья девушка... Я бы сказала, что даром стихий не наделена, но не уверена в своём утверждении. Она какая-то странная, как будто смотришь в туман.

Хранительница леса поджала губы. Вертикальная морщи-

на разрезала лоб.

Дриада продолжила рассказ.

– От троих исходит светлая тёплая аура. С уверенностью могу сказать – проблем они не создадут, но и в лесу им задерживаться не стоит. Посмею предложить вам, чтобы населяющие опушку луговики и годлинг присмотрели за девушками, а потом дриады выведут их из леса незаметно.

– Под словом «присмотреть» ты имеешь в виду «подшутить»?

Улыбнувшись, Хранительница перевела свой взор с дриады на маленького божка.

– Что скажешь, малыш?

– А можно, можно, ну можно? – прыгая с одной ноги на другую, затараторил годлинг. – Разрешите, госпожа, Рётик честно-пречестно вас не подведёт. Шито-крыто выпроводит этих голожопов, они даже не догадаются.

Старшая из дриад беглым взглядом осмотрела собравшихся. Многие из присутствующих на заседании были созданиями кровожадными.

– Так быть посему. Выведем гостей из леса с миром, – поднявшись с трона, сообщила Хозяйка леса.

– Но, Хранительница, думается мне, – начала было возражать старуха с крючковатым носом, безуданно теревшая свою больную ногу.

– Это окончательное решение, и оно более не подлежит обсуждению, – властным голосом прервала мнение Яги Хо-

зьяйка леса. – Кто хотел высказаться, я вас услышала, кто решил остаться в стороне и смолчать, по сей день и молчите.

Видя недовольство среди существ, Верховная дриада лишь развела руками.

– Да и немного веселья, как в былые времена, разве повредит? Когда в последний раз фейри шутили над людскими чадами? Я считаю, что малыш справится. Совет окончен, прошу разойтись.

Развернувшись, всем видом показывая, что дальнейшие возражения не принимаются, правящая лесом направилась в сторону балкона.

Потихоньку зал пустел, представители волшебного народа разбредались по своим жилищам по всему лесу, бубня проклятия.

Д’ервен Вил’оид – самое высокое и старое дерево в лесу Илвун. Тысячелетний дуб было видно из любой точки леса, если ты, конечно, фейри. В нём располагается резиденция Хранительницы, зал совещаний, комнаты служек, столовая, прачечная и комнаты охраны, что занимали с десятков дриад.

Балкон зала заседаний располагался на самой высшей и толстой ветви дуба. Обратив взор в сторону, где должна была располагаться поляна, на которой веселились непрошеные гости, одна из последних старших дриад, что населяли когда-то лес, глубоко вздохнула, и лоб её снова разрезала морщина.

– Неужели века тишины на исходе?

Ответом на вопрос был резкий порыв ветра, всколыхнувший кроны тысячелетнего дерева.

Поляна у озера

– Над чем так ехидно смеёшься? Поделись шуткой.

– Я не смеялась, – попивая вино из бокала, произнесла рыжая.

– Нет? Странно, мне слышался смех, такой был у тебя, когда ты подсыпала слабительный порошок в кубок Евы на балу, – сказала Талия. – И уменьши пламя, а то спалишь грибы.

– Надо же, княжна знает, как готовится еда, – ехидно проговорила Эрика.

В нос мне ударил запах тины и болота. Я подорвалась с покрывала. Девочки посмотрели на меня как на сумасшедшую.

Показалось?

– Эй, ты что-то ещё клала в грибы? – подходя к Эрике и смотря в сковороду, поинтересовалась я.

– Ровно то, что ты мне дала, Фейт.

– Это те грибы, которые я собирала?

– А какие это ещё могут быть грибы? Ты же их принесла.

– Просто они пахнут по-другому и выглядят иначе.

– Может, огненная душа переборщила с контролем пламени? – забирая из моих рук кастрюлю, проворковала Талия.

– Так, прекращайте пустозвонить, лучше разлейте вина, грибочки готовы.

Расположившись на плетёной подстилке и разделив то,

что поджарили на костре, Талия подняла кубок.

– Интуиция меня редко подводила, но у меня складывается такое ощущение, что наша жизнь только начинает бить ключом, и впереди нас ожидает что-то поистине удивительное и волшебное. Может, выпьем за волшебство?

Когда Талия говорила что-то подобное, стоило этого ожидать. Я перевела взгляд на чёрный опал, что поблёскивал на шее девушки, и подняла бокал.

– Nolwe^{**}

– Ingole^{***}

– Я завтра иду на свидание, – внезапно произнесла Эрика.

– И кто же этот несчастный? – сложив губки бантиком и похлопав длинными ресницами, съязвила Талия.

– Ауч, – засмеялась я.

– Он неплохой парень, не глупый.

– Как-то невесело ты это сообщила. Тебе с ним скучно?

– Мне со всеми мужчинами скучно, Фейт. И дело не только в умственных способностях, а в моих ощущениях. Я не чувствую себя с ними слабой, хрупкой, защищённой. Не чувствую от них мужской силы, природной дикости, пульсирующей подавляющей энергии, властного характера, при этом советоваться с мамой – никогда, а вот со мной – всегда. Мне мало огня, что ли. Вот так парадокс, магу огня недостаточно жарко. Хочу быть серебристой ланью в объятьях грифона, хочу надуть губки и свесить ножки, и пусть ищет клубнику

в январский буран.

Закончив тираду и залпом допив содержимое кубка, она откинулась спиной на плетенку и прокричала:

– Мироздание, пошли мне огнедышащего дракона!

– Боюсь, город этого не переживёт, – хихикая, я закидывала очередную порцию грибов в рот.

– Осторожней с желаниями, Рысь, – улыбаясь, промурлыкала наша пантера, – им свойственно сбываться.

– А что насчёт тебя, снежный барс? – поднявшись на локте и зачерпывая грибы из сковороды, поинтересовалась Эрика.

– Ооу, а у нашей снежной кошечки есть воздыхатель.

– Талия, прекрати так хлопать глазками, иначе я предложу тебе своё сердце, – усмехнулась я. – И мне интересно, кого ты мне в любовники решила записать?

– Эйдана, конечно!

– Это тот Рапунцель? – сgrimасничала рыжая, как будто лимон разжевала. – Мама против. Да гидра его раздери, даже у голема эмоций больше, чем у этой статуи. Вы видели, как он улыбается? От такого зрелища даже стены сыплются.

Образ Эйдана всплыл в моём воображении. Многие девушки Академии сходили по нему с ума. Писали любовные письма, более храбрые приглашали на свидания, но все до единой получали отказ.

– Но он умный, талантливый, от него, как ты говоришь, исходит энергия, и даже не думай спорить, это так. Эрика, может, возьмёшь его на abordаж? Разожжешь в нём огонь

жизни? – невинно приподняв брови, предложила Талия.

– Нет, эта принцесса не в моём вкусе.

– А вам нужен экземпляр со шрамом на всё лицо и с выбитым зубом?

– Так, ну не утрируй, Фейт, я люблю ухоженных мужчин. Но Рапунцель словно в мёд окунули, не люблю я таких сахарных. В идеале хочу того, от которого захватывало бы дух и сжималось женское естество.

Ещё долго поляну заливала трель из женского смеха и бесконечной болтовни, на что маленький божок только тяжело вздыхал.

Двадцать пять часов спустя

– Ай-ай-яй, голова, – слышался где-то под боком скулёж Эрики.

– Где это мы?

Испуганный голос Талии заставил меня распахнуть глаза и сесть на мягком матрасе.

Мы лежали на огромной кровати. В комнате царил полумрак, и только полоска солнечного света, пробивающаяся из плотно зашторенного окна, говорила о том, что, возможно, сейчас день.

Вот только, похоже, день наступил новый.

Наши платья выглядели не самым приличным образом, местами порванные, грязные, так что мы не вписывались в антураж спальни. Нам бы в таком виде лежать в сарае с курами, а не на шёлковых простынях.

Дверь тихонько отворилась, и на пороге появился Эйдан. Глаза были злыми, на скулах танцевали желваки.

– Пробуждение было добрым, миледи? – как ножом по железу, проскрипел голос.

Тяжёлые шторы распахнулись, и яркий солнечный свет залил комнату.

– О, чудеснейшее из всех, что были, – прошипела Эрика, жмуря глаза.

– Эйдан, здравствуй! Подскажи, где мы находимся, и не мог бы ты предложить нам воды? – как и положено княжне, не теряющей лица ни при каких обстоятельствах, даже если земля под ней разверзнется и она будет падать в пучины Ада, спросила Талия. Достоинство и воспитание всегда при ней.

– Вы у меня дома. Кувшин с водой и бокалы вы можете найти на прикроватном столике. Также там эликсир от похмелья.

– И как мы попали к тебе домой? – наливая в стакан воды, поинтересовалась Эрика.

– Я привёл вас к себе после того, как обнаружил плещущихся в фонтане на центральной площади.

Рука Эрики замерла, не донеся бокал до рта, Талия поперхнулась водой, а я уставилась на Эйдана в ожидании предательской ухмылки, как знак того, что он над нами подшутил.

Но нет, он не был похож на шутника.

– Думаю, нам пора уходить, – со всей серьёзностью глядя

на нас, сказала Эрика.

– И правда задержались, – подскочила с кровати Талия.

Я смотрела на приводящих себя в порядок, насколько это было возможным, подруг и спиной чувствовала прожигающий до самых костей взгляд.

Пора уходить. Срочно.

– Благодарим тебя за заботу о нас. Прости, что доставили неудобства, – за всех троих поблагодарила Талия, развернулась и пошла на выход, за ней последовала Эрика. Я было тоже рванула в проход, но Эйдан перехватил меня за локоть и наклонился к моему уху.

– Не прошло и суток, и ты снова пьяна и шатаешься непонятно где. Довольно, – его голос прозвучал без эмоций, но тон не подразумевал возражений с моей стороны.

Посмотрев в его красивое лицо, в его глаза, я испытывала... Что? Гнев? Ненависть? Дежавю? Ведь я не имела права злиться, да и страху-то откуда взяться?

Да, он прав, но Эйдан мне никто, не брат, не отец, не муж и не парень, и, собственно, ему должно быть плевать на меня, да и мне должно быть всё равно, но почему-то не было.

Я выжидающе смотрела в его глаза.

Почему? Если есть, что сказать, скажи. Если так хочется – так заяви на меня права, попробуй, предложи встречаться.

– Не рискуй собой больше.

Отпустив мою руку, он развернулся и зашагал прочь.

Эрика права, у глиняного голема и то больше эмоций. Я

снова ему проиграла. Я снова робела, смотря на Эйдана.

Эрика окликнула меня, и, очнувшись, я пошла на выход.

Мы стояли на раскалённой от летней жары улице. Ветер, видимо, решил взять выходной и скрылся за пределы города. Дышать было нечем.

– Девочки, вы как? – обратилась к нам Талия.

– Нормально, только голова болит, – рыжая потянулась к затылку. – Ауч, больно, кажется, я набила шишку.

– Похмелья нет, если ты об этом, но я потеряла сумку, а там книга, которую дала мне Фрея для перевода, и сдаётся мне, что придётся попрощаться с головой, если не найду её к четвергу.

Святые Небеса, надеюсь, с книгой всё в порядке.

– Мы выпили не настолько много, чтобы отключиться. Что-то не так, да и возможно ли потерять сознания аж втроём?

– Что будем делать? – Талия перевела взгляд с рыжей на меня.

– Начнём с конца, чем дальше в лес, тем больше будет дров, – воодушевленно сказала Эрика и двинулась в сторону центральной площади.

Глава 5. И это только начало

Центральная площадь. Полдень. Жара не соответствует месяцу. Возьми воды, плесни на мощёный плац, и булыжники зашипят, как в бане.

Мы стояли рядом с фонтаном, где по легенде четыре нимфы исполняли танец вечности. Юные девы, замершие в веках, танцевали под музыку играющего на флейте пана. Полураздетые, в мокрых одеяниях, обволакивающих округлые тела мифических танцовщиц. Рука мастера видна невооружённым глазом. Завораживает великолепие скульптур, а в мыслях – автор явно не из мира людей. Невозможно выточить из камня такое совершенство без магии, невозможно это сделать, будучи человеком.

– Теперь я могу с точностью сказать, что мы здесь были, – смотря на флейту пана, на кончике которой висела моя сумка, выдохнула я с облегчением.

Камень с души!

– Бери её, и уходим по-тихому, – выпалила рыжая.

– Куда идём-то? Сегодня суббота, полдень, значит, нас пустят в любую таверну, тем более с Эрикой, но нам бы желательно тихое место. Есть варианты?

– Очень смешно, белёсая головушка.

– Пойдёмте лучше к тебе, ты же не против? – умоляюще.

ми глазами взидала на меня Талия.

Да, достанется ей, когда узнают о наших танцах в фонтане. Титула не лишат, но запрут в башне однозначно, и придётся десятилетиями отрачивать косу.

– Конечно я не против, – и повернув влево от четырёх граций, мы двинулись в сторону лавки травницы.

Дорога проходила по тихим улицам, здесь находились небольшие магазинчики с разностями и жили люди среднего класса, была небольшая школа, а вот и женский монастырь, ой!

Две монахини с ломом в руках, пыхтя, ковырялись у обугленных ворот.

– Сёстры, вам нужна помощь? – Талия уже порхала к монашкам.

– Ну конечно, без помощи униженным и оскорблённым, прокажённым и несчастным и день прожит зря, – Эрика закатила глаза так, что, возможно, случайно рассмотрела свой мозг.

Мы подошли к воротам, и рыжая подавилась в порыве сдержать смех.

«Клейма негде ставить», табличка с названием таверны, она же по совместительству бордель в одном из публичных районов города, явно была вырвана с немалым усилием и прикреплена к старому названию монастыря, да не просто прикреплена, а припаяна намертво.

– Нелюди, богохульство! – пыхтели монашки.

Отвлекаясь от царящей вокруг суеты, я наконец решила посмотреть, что так тянуло меня к земле. Сумка была тяжелой. Раскрыла поклажу...

Что за?... Лира? Меч архангела мне в рёбра, какого дьявола у меня в сумке лира?

– Талия, я думаю, мы здесь ничем не сможем помочь, – позвала подругу Эрика. И мы собирались к Фейт, пойдём.

Брюнетка была как в прострации, ничего не слышала, просто стояла и смотрела на вывеску. Расплавленный металл и обугленные каменные стены. Кто-то явно от души повеселился, и где-то глубоко в сознании закрадывалось чувство, что она знает, кто это сделал.

Вчерашний день. Недалеко от ворот Монастыря

– *Нас увидят, туши факелы!*

– *Если я уберу руки, вы её уроните. Пусть княжна на них подует.*

– *Она уже подула в публичном квартале.*

– *Я не специально, не рассчитала.*

– *Ах ты наш Борей, держите крепче, я сейчас.*

Оторвав руки от тяжелой кованой пластины, Эрика развернулась в сторону освещённой улицы, где полыхали факелы, озаряя квартал ярким тёплым светом и защищая спящий город от тьмы. Щёлкнула пальцами раз – и ближайшие огни потухли, ещё щелчок – и улица погрузилась во мрак.

«Не страшна темнота, страшно то, что скрывается в ней».

Я часто выходила ночью за стены города, чтобы посмотреть на звёзды. Визобравшись на бугор недалеко от прилегающей к стенам деревни, я легла на принесённый с собой плед и часами глядела на небосвод.

Что же там, по ту сторону небосвода? Возможно, кто-то такой же, как и я, сейчас смотрит на небо, одинокий и несчастный, один во всём мире.

– Фейт, чего замерла?

– Извините, одна мысль унесла меня куда-то далеко.

– А вот до монашек уже близко, пошли.

– Ох, девочки, мы точно хотим это сделать? Это кощунство!

– И это говоришь ты, кто сидела в дальних уголках библиотеки и читала некромантию?

– Оу, так вы всё-таки воспользовались тем ключом от магистратской секции, что я дала? Что интересного нашла в талмудах? Или неприличные картинки разглядывала?

Даже в темноте ночи можно было увидеть, как вспыхнули щёки Талии.

– Ууууфффф, и тяжёлая же.

Доковыляв до ворот монастыря, мы с выдохом опустили металлическую вывеску и принялись разминать поясницу, шею и запястья, что были напряжены до предела.

– Осталось самое сложное. Надо присобачить эту бандуру на старую вывеску.

– Это замечательно, но как ты себе это представляешь?

– Эх, нам бы огнеупорных перчаток с лаборатории.

Хоть каменная ограда, на которой крепилось название монастыря Патиеса Нозима, и невысокая, но выглядела она довольно прочно.

– Предлагаю тебе жახнуть по ней огнём с криком – **FIREBALL!**

– Ты опять эти странные картинки читала? Кричать «Fireball» – это так же, как подкрадываться к врагу с развивающимся на ветру флагом, или ещё лучше, с табличкой «я здесь» и стрелочку пририсовать – **СКУДОУМИЕ!**

– Бяка ты, рыжая.

Эрика высунула язык и сморщила лицо.

– Девочки, если мы будем и дальше тут стоять, нас когда-нибудь обнаружат. Плавь давай старую вывеску, – выпалила с жаром Талия.

– Ваахх, – присвистнула Эрика и, задрав рукава платья, приблизила ладони к стене. Алое свечение окружило её руки, запахло гарью и горячим металлом.

Пыхтя, Талия и я приподняли вывеску и начали подтаскивать её ближе к Эрике.

– Ещё чуть-чуть.

В окошке монастыря зажёгся свет.

– Кто здесь? – И дверь со скрипом отворилась.

– Давайте вместе, – скомандовала Эрика, развернувшись, схватилась за края, и втроём мы со всего размаха впе-

чатали в плавящийся металл многострадальную жестянку.

Напоследок из подворотни Эрика швырнула огненный шар в вывеску.

– *Что б понадёжнее!*

Темноту улицы разрезало одно единственное слово: «Вандалы!», и улица снова погрузилась в тишину.

Сейчас

Потянув за собой Талию, мы, отдалившись на приличное расстояние от монастыря и встав в круг, смотрели друг на друга, не решаясь заговорить.

Первая заулыбалась Талия, начав хихикать, её порыв подхватила Эрика, и вот мы уже втроём смеялись до ломоты в челюстях, до нехватки воздуха в лёгких, до боли в животе.

– Согласитесь, в этом есть доля правды. И я не про вандализм.

– Дамы, я прерву ваше веселье, но у меня в сумке лира, и я понятия не имею, откуда она у меня.

На меня уставились две пары удивлённых глаз.

– Что ещё мы натворили? – Талия спрятала лицо в руках.

– Покажи, что там у тебя?

– Дайте и мне взглянуть, – глаза брюнетки расширились. – Ох, это же лира Орфея. Музейный экспонат.

– Прекрасно, мы ограбили музей. Сдалась нам эта лира? У нас что, у кого-то скрытые таланты? Кто-то умеет на ней бренчать?

Все отрицательно покачали головой.

– По легенде далёких земель, Орфей спускался в Ад, чтобы вернуть свою возлюбленную. Он искал душу любимой, бродя по Царству Мёртвых, по итогу нашёл, но вернуть не смог, – вспомнила Талия.

– Так, давайте по порядку, – схватившись за переносицу, начала Эрика. – Нам известно, что мы были в публичных кварталах, танцевали у фонтана, видимо, подыгрывая флейте украденной лирой, так, что ли?

– Идём в музей?

– Нет, сначала мы пойдём в кварталы, нам по пути, да и людей там днём с огнём не сыщешь.

– Откуда тебе это известно? Хотя нет, не интересно.

– Ой, святые вы мои, пошли уже, – фыркнула рыжая.

Вальсируя между прохожими, мы пересекли рыночную площадь и направились в сады Нифеля. Ну, как сады? С десяток деревьев, прудик, пара клумб, да ковёр из травы. Немного жизни в каменных дебрях. Глоток свежего воздуха посреди тюрьмы.

Город меня душил, душили стены и оттенки серого, коричневого, кирпично-красного. Хотелось пространства, ветра, свободы, хотелось зелёных и жёлтых красок, хотелось видеть днём голубое небо, а ночью наблюдать звёзды. Я родилась и выросла в городе, и мысли, «что мне здесь не место», всегда вызывали у меня непонятные чувства. Другого я и не видела, не с чем сравнивать, тогда откуда такие фантазии? Возможно, я просто люблю мечтать, вечно витаю где-то в об-

лаках, придумываю для себя другую жизнь, когда ложусь в кровать.

Эрика шла уверенно, видимо, не в первый раз.

– Сейчас зайдём в тот проём, там в стене есть дверь, она выходит прямо в квартал.

– Мы крадёмся, как разведчики, откуда тебе известно о потайной двери?

– Вы же знаете Джулиана из архива?

– Конечно, кто его не знает, он мистер «ходячий позитив», – припомнила я одно из его позывных имён.

– Да, милый парень, это ведь он вёл распределение стихий в первый учебный день, – тонкий щебет донёсся до нашего с Эрикой слуха.

Щёки Талии окрасились в розовый. Ну вот что за «ми-лашка», видят Небеса, держусь из последних сил, я точно её покусая, и пусть удача будет на моей стороне и мне перепадёт немного очарования.

– Так вот, у этого «обаяшки» отец – владелец игрального дома, который также таверна, который также бордель.

– Да ладно? Ни за что бы не подумала, глядя на Джулиана.

– Он вырос без матери, его воспитывали женщины, работающие на его отца, и я тебе скажу, там дисциплина строже, чем у Талии дома. Это не притон, куда приходят рыбаки и плотники, это очень дорогое и роскошное место, где собираются отдохнуть графы, герцоги, одним словом, элита. Честно, не зная, что это за место, я бы приняла женщин за ров-

ню тем, кто это место посещает. И не только правящие династии, однажды я видела там отца Зика.

– Вот тебе и святоша!

– Давно уже ни для кого не секрет, что люди, надевающие рясы и распеваящие о морали и смысле жизни, кровожаднее бандитов, алчнее пиратов, тщеславнее баронов, богаче знати. Вы видели, сколько жертвований несут в храм? А монашки... Невинность? Что это за слово такое? Я, конечно, утрирую, но вы и сами это прекрасно знаете.

– Ужасающая истина, – подтвердила Талия тираду Эрики.

Последняя преграда встала у нас на пути. Дверь, что была спрятана под густой порослью девичьего винограда, самому не найти, если не знать, где искать. С небольшой потугой открылась во внутрь широкой каменной стены, и мы гуськом вошли в полумрак и буквально через пару шагов вынырнули на залитый солнцем бардак!

Деревья, вырванные с корнями, разбитые окна, сорванные вывески, развороченные клумбы, перевёрнутые столы, раскуроченные в щепки стулья.

– Оуу.

– Эээ...

– А здесь наливают ромашковый чай? – прошептала Талия.

Мы последовали за Эрикой молча. На нас никто не обращал внимания, люди были заняты уборкой. Тут и там шуршали мётлы, звенело убираемое стекло, мужчины перетас-

кивали дубовые столы, что смогли уцелеть.

Подойдя к увитому плющом зданию высотой в четыре этажа, разглядели богами уцелевшую вывеску, что гласила – «Биение сердца».

Как гусята за гусыней, мы вошли за рыжей внутрь.

– Талия?

– С утра была Эрика.

Навстречу нам вышел улыбающийся Джулиан.

Красивый же, гад. Высокий, широкоплечий. Кучерявые светлые волосы топорщились в разные стороны, кожаные штаны обтягивали длинные ноги. Высокие сапоги и короткий женский фартук в ромашку на голое тело.

Оох!

– Здравствуй, Эрика – и его глаза снова вернулись к брюнетке. – Талия, – слегка склонив набок голову, поздоровался парень. Ещё раз.

– Здравствуй, Джулиан.

Немного неловко, мы явно с рыжей были лишними в эту секунду. Лишней была Эрика, меня Джулиан даже не заметил.

– Четвёртый этаж практически не пострадал, в двух комнатах выбиты окна, – обратилась к Джулиану спускавшаяся по лестнице женщина.

Она подошла к нам и, обведя взглядом, приветливо улыбнулась и замахнулась полотенцем. Шлепок пришёлся на голову парня.

– Ох, к тебе гости! И не похоже, что мы тебя замечательно воспитали, – подходя ещё ближе и замахиваясь полотенцем снова, продолжила: – раз девушки стоят у порога.

– Хорошо, хорошо, – смеясь, он поднял руки, защищаясь от нового удара полотенцем. – Миледи, – склонился в поклоне Джулиан, – прошу вас, следуйте за мной.

Развернувшись, он двинулся в сторону коридора, и тут уже головы склонили мы.

– Красивый вид, да? – улыбаясь, как волшебный кот, на нас смотрела женщина.

– Архивы, видимо, нужно часто переносить? – поинтересовалась я у Эрики.

– Ага, стеллажи в высоту по десять метров каждый, поподнимайся по лестнице раз сто за день... накачаешься.

– Я... А я промолчу.

Даже не стоит смотреть в сторону Талии, жар от её щёк я ощущала с расстояния.

– Знаете, если бы Джулиан в таком виде работал в архивах, то на историческом прибавилось бы студентов.

– Истина! – поддакнули мне девчонки, и мы пошли за накаченной попкой в глубь помещения.

Нас привели в небольшой салон, где стояли игральные столы. В комнате витал остаточный запах табака, а с открытых настежь окон заплывал цветочно-медовый аромат иланг-иланга. Обои цвета сосновой хвои, великолепные бронзовые канделябры с позолотой в виде девушек с гроздьями вино-

града, тёмные дубовые столы и кресла, обтянутые в изумрудный бархат, создавали атмосферу тайны и великих замыслов.

– Чаю, кофе, вина или что покрепче?

– Чай, спасибо.

Джулиан удалился, оставив нас одних. Мы с Эрикой поставили локти на стол и подперли ими подбородки, с улыбкой в тридцать два зуба глядя на Талию.

– Что вы так на меня смотрите?

– А парнишка-то в тебя влюблён.

– Ещё с распределения. Тебя ж не было, когда он заикаться начал, взглянув на неё.

– Ммм, миленько. Воспользуешься моментом?

– Нет. И вам известно, почему. – Талия сделала глубокий вдох. – Каким бы замечательным, добрым, внимательным и заботливым ни был бы Джулиан, мы не будем вместе никогда! Родители просто этого не позволяют, а я не готова дарить надежду ему и себе и впоследствии склеивать разбитое сердце.

– Смею предположить, что сёстрам уже подобрали женихов? – вздернув брови, поинтересовалась огненная рысь.

Глаза княжны заблестели.

– Да, я через пару недель принесу приглашения. Пожалуй-ста, поддержите меня, без вас я там утоплюсь в озере. Даты будут на начало и конец августа.

– Уууи, светское мероприятие. Напыщенные рожи будут

соперничать с холёными.

Повисло недолгое молчание. Я рассматривала картины и окружающую обстановку. Действительно, место для элиты общества.

Я решила прервать тишину.

– Скажите, у меня видимое только мужчинам клеймо на лбу? Или меня проклинали? Вот назовите хоть одного парня за семь лет учёбы, кто приглашал меня на свидание?

Девушки, посмотрев на меня, задумались.

– Твоя правда, Фейт, – признала Талия, осматривая моё лицо.

– Эйдан проявляет к тебе симпатию, правда, больную какую-то.

– Как так получается, что мистер «попа наливное яблочко» увидел Талию, стоящую за мной, а я, между прочим, стояла за Эрикой, но поздоровался он только с вами, а меня не заметил. Вот как это работает?

Эрика только развела руками.

Дверь тихонько заскрипела, и с двумя подносами в руках вошёл Джулиан.

– Простите, немного задержался. Надеюсь, вы не откажетесь попробовать и оценить пирог, что я приготовил.

Сам готовил. Да варись ты в Адском котле! Нет, конечно, я такого ему не желала, но захотелось пристукнуть парня чем-нибудь тяжёлым за то, что он замечательный, добрый, воспитанный и милый, а ещё Талию, за то, что не может быть

с ним. Пристукнуть себя, за то, что мне нравятся те, кому я безразлична, хотя я безразлична, кажется, всем. Напоследок пристукнуть рыжей, ей просто так, хотя нет, ей за то, что ищет любовь и не может найти, за то, что не сдаётся. За то, что верит в себя. Правда, здесь мне остаётся только аплодировать в восхищении.

Вырвал меня из размышлений вопрос Эрики, и уж лучше б я не выныривала из прострации.

– Джулиан, а что за погром на улице? Вчера была масштабная драка?

– Ох, здесь в квартале частенько бывали драки, ревностные ухажёры, взыгравшие гормоны, не поделённый выигрыш, но чтоб до применения магии доходило, такое впервые.

– То есть кто-то воспользовался магией, чтобы Что?

– Не просто магией, это тебе не взмах руки и всё врассыпную, у нас бушевал вихрь. Я вообще думал, что здание вырвет с корнями, и нас унесёт.

– Торнадо посреди квартала, вот это я понимаю размах, прямо, так сказать, королевский!

Эрике явно нравилось происходящие, а вот Талия была бледнее салфетки, которую теребила в руках. Мне стало интересно, вопрос давно вертелся на языке, ещё с самой первой минуты, как мы оказались в борделе, но задавать было страшновато, однако надо.

– А есть подозреваемые в этом бардаке?

Джулиан пару раз моргнул глазами и, словно очнувшись

от морока, посмотрел в мою сторону, как будто впервые увидел.

Талия напрягалась, Эрика перестала цедить чай, а я, скрестив пальцы под столом, мечтала услышать отрицательный ответ.

– Нет, – покачал головой Джулиан. – У всех в заведении было спокойно. Никаких буйных или пьяных, недовольных или ревнивцев. Народу в вечернее время в преддверии выходных здесь больше, чем на ярмарке, так что отследить магию почти невозможно.

– Вот так кому-то свезло. – Эрика подскочила со своего места. – Однако нам пора, спасибо за чай и пирог, все было очень вкусным.

– А зачем вы, собственно, приходили?

– Я хотела спросить, всё ли в порядке, и мы тут как раз мимо проходили, поэтому, думаю, дай-ка зайду, уточню.

– Ясно, всё в порядке. Что-то нужно? – Джулиан смотрел на Эрику, они вели свой диалог, понятный только им.

– Сейчас нет. Проводишь нас?

«Наливное яблочко» поднялся. Рубашку он, конечно же, надел, когда ходил за чаем, – жаль, а вот обтягивающие штаны не передел – это не жаль. Он распахнул дверь и, немного склоняясь, вытянул руку, предлагая нам пройти вперёд. Джентльмен. Эх, что со мной не так?

Мы шли к выходу из игрального дома.

– Хорошо, что ураган вас практически не затронул.

– Это так, нам повезло больше всех. Ты останешься в Академии на следующий год? – обратился Джулиан к брюнетке.

– Год практиканта, да, мне бы этого очень хотелось. Надеюсь, мне разрешат остаться.

Эрика и я постарались ускорить шаг, чтобы дать парню поворковать с нашей милашкой.

Талия права. Им не по пути, и парень это тоже прекрасно понимает. Городу хватило наглядного примера.

Любовь – прекрасное чувство, и вот несколько лет назад оно коснулось старшей из дочерей княжеского рода Десаи. Лель поразил сердце юного барда, что выступал на празднике в честь Русальной недели в усадьбе князя. Стихи под балконом, цветы, объятия и нежные поцелуи; одним Небесам известно, как он пробирался к ней среди ночи. Поддавшись порыву любви и страсти, прекрасные создания решили сбежать. Далеко им уйти, конечно, никто не дал. Через сутки вернули беглянку домой, а парня неделей позже нашли с пробитой головой в районе, куда лучше не соваться даже днём. На вопрос родных, *«что их сын мог забыть в этом небезопасном месте?»*, стражи порядка разводили руками: *«подрался, переоценил свои силы»*. Парнишку этого Талия прекрасно знала, он учился в Академии на несколько курсов старше, изучал литературу и искусство; был славный малый, на праздниках его можно было слышать и видеть в актовом зале. Люди шептались, смотрели косо, обходили Талию стороной, но свидетелей по делу нет, зацепок нет, предъявить

нечего.

Талия знала, что отец никогда ей не даст дышать полной грудью, и то, что семь лет на неё смотрели сквозь пальцы, а она радовалась жизни, учась в Академии, было заслугой исключительно бабушки, которая, к сожалению, в прошлом году отошла к прародителям. Сёстрам нашли подходящих их статусу партнёров, а значит, близится и её час.

Талия ни за что не даст рисковать жизнью ради неё. Просто не позволит! Она захлопнет своё сердце, обмотает длинной цепью и повесит с десятков замков, а ключи утопит в реке. Она будет страдать, в одиночестве и от одиночества, плакать ночью в подушку, но на утро с гордо поднятой головой, нежной улыбкой на лице и превосходной осанкой впорхнёт в аудиторию.

– Вас проводить за пределы квартала?

– В этом нет необходимости, всего доброго, Джулиан.

– И тебе всех благ, Талия.

Стоя поодаль, мы с Эрикой помахали парню рукой и двинулись к двери в стене.

Я взглянула последний раз на разрушенный квартал, на Джулиана, который разговаривал с мужчиной, что убирал остатки того, что было, возможно, столом, и вошла в проём.

Когда-нибудь нам повезёт.

До музея, куда мы решили направиться после района досуга, остался один перекрёсток. Но уже с такого расстояния

были слышны завывания, то ли ветер свищет, то ли волк скулит, то ли полуденницу занесло не туда.

Каменные ступени перед музеем были пропитаны слезами старого архивариуса. Субтильный старичок верещал не хуже сирены и завывал почище банши. Куцая борода сияла проплешинами, ибо служитель музея то и дело рвал из неё волосы. Подойдя ближе, мы уловили смысл истерики:

– Люди добрые! – выл он на одной противной ноте. – Что же это делается? Среди белого дня! Под носом учёных...

Его так штормило из стороны в сторону, что я придержала более любопытную Эрику за корсаж. А вдруг это заразно? Талия, чуя и без того накалённую обстановку, жарче, чем в тигле, жалась ко мне сбоку.

Блаженный, что ли?

– Любезный... – несмело обратилась я к нему. – А что случилось?

Это я зря, конечно. У пенсионера глаза выкатились, нороя сбежать с насиженного места. Он судорожно сглотнул, от чего шея конвульсивно дёрнулась, а кадык выпятился. Мне это краем глаза напоминало эпилептический припадок, но с первой помощью я была незнакома, поэтому отодвинулись на шаг.

– Вандалы! Расхитители! Святотатцы!

Негусто.

Эрика склонила голову набок, словно примеряясь, как бы сподручные огреть припадочного, но Талия успокаивающе

погладила её по предплечью.

– Ночью... – дедок опять сглотнул, как бы намекая, что рабчее горло не грех и промочить. Мы остались глухи к просьбе. – Ночью бандиты вскрыли заговорённый стеллаж и выкрали лиру самого Орфея!

Лира у нас наличествовала. Память – нет, но это не помешало покрыться всем троем холодной испариной.

– Любезный, подробнее, – сдунула огненную прядь со лба Эрика и многозначительно перекатила в пальцах медную монету. Архивариус оживился, подобрался и родил-таки страшную историю ночного набега варваров на музей.

Когда солнце скрылось за горизонтом, охрана обошла всё здание и села, по обыкновению своему, гонять чай с «вот такуусенькой» ложкой травяного бальзама. Далеко за полночь в одном из залов послышался громогласный хохот. Поскольку тот господин, что имел при себе оружие, спал беспробудным сном, отправились делать работу, собственно, наш знакомец и ключник. В потёмках они не смогли разглядеть «полчища чудовищ» и «орду воров», посему смело решили, что там не меньше десятка разбойников. Как водится, храбрость – это товар штучный и идёт на развес. Максимум, на что хватило зрителей музея, так это проследить, как похитители сначала неумело бренчали на лире, потом зачем-то перебрались в зал Нежитеведения, где и стали распевать частушки, используя инструмент уже в качестве ударных, то есть хлопая по оному ладонями. И репертуар подобрали наи-

пошлейший.

Я летала на метле

И была навеселе.

Демона схватила

И потом растлила.

Верю иль не верю я

В эти суеверия?

Блаженный пропел этот кусочек, неуклюже притопывая ногами по ступенькам. А мы втроём стояли и поджигали губы. Большого наше состояние полного непонимания не заслуживало.

Отойдя в сторонку от припадочного, Талия бескомпромиссно заявила:

– Мы должны вернуть лиру на место.

– А давай подкинем... Ну, скажем, в каморку охраны её? – несмело предложила Эрика.

– Или вообще ночью вернёмся и положим на порог? – Я с надеждой посмотрела на одну общую совесть нашей компании, но, наткнувшись на непримиримый взгляд Талии, поняла, дело – дрянь и не выгорит.

Мы вошли в музей с лицами божественных агнцев. Талия для правдоподобности читала какой-то экскурс в историю. Навстречу попадались такие же посетители, но, когда мы приблизились к ленте, огораживающей зал, где коварные полчища мародёров устроили разгул, у всех засосало под ложечкой.

– А может, ну его? – заикнулась я. Но не успела договорить, как к нам приблизился мужчина в форме стражи.

– Я могу чем-нибудь вам помочь? – бархатно осведомился страж, а мы залипли, как мухи в мёд, хотя сейчас уместно другое сравнение. Эрика очухалась первая и решила броситься грудью на амбразуру, в прямом смысле.

– Конечно, господиннн... – протянула она, намекая на то, что они не представлены.

– Господин Руфь. Адрио Руфь, старший офицер...

– Старший офицер... – Эрика шагнула навстречу мужчине и так многозначительно прогнулась в талии, успешно выставляя под тонким корсажем свою грудь, что даже я загляделась. – А что здесь произошло? Нам стоит опасаться?

Самая беспроегрышная тактика, дамочка в беде. Стоит только намекнуть о том, какие мы хрупкие и несчастные, и счастливые и сильные так и норовят распушить павлиний хвост перед милой половиной человечества.

– Ну что вы... – расплылся в улыбке страж, облизывая взглядом декольте подруги. А она так усердно хлопала глазами, что, не зная я рыжую, подумала бы, что она всерьёз заигрывает.

– Такие милые девушки могут не опасаться...

– Так вы расскажете мне, что произошло? Наедине?

Офицер, не помня себя от выброса тестостерона, выпятил грудь и стал многозначительно улыбаться. Эрика, заведя руку за спину, показала нам жест, дескать, бегом, дурёхи...

Талия поднырнула под ленту и ползком пробралась к постаменту.

– Заклинание отвода глаз... – зашипела я на одной ноте, вытряхивая из сумки инструмент. Когда подруга добралась до стенда, я перебросила лиру ей в руки. А если учесть, что Талия была невидима, то пропажа, можно сказать, материализовалась из воздуха.

Привалившись спинами к одной из стен общественного туалета в здании, мы пытались отдышаться. Через пару минут к нам присоединилась Эрика, которая с непередаваемым набором матюгов тёрла батистовым платком руки.

– Как тебе удалось? – не выдержала я.

– С трудом, – провыла рыжая и, плюнув на платок, засушила рукава и включила воду. – Он такой наивный, так распинался, так намекал на ужин, так пыхтел... Но главное ж, вы вернули лиру? Теперь уже можно отправиться к тебе?

Дом встретил родным запахом сушёных трав. Девочки сели за стол, а я принялась колдовать на кухне. Жареная картошка и яйца, сыр, масло и хлеб. Нарезала мяту с лимоном, добавила ложку мёда и залила смесь горячей водой.

– Послушай, Фейт, – у Эрики между бровей залегла складка, – если карга спросит тебя, как прошла наша гулянка, то ответь ей, что всё было замечательно. Посидели и разошлись по домам.

– Ты думаешь, это дело рук профессора Фрей? – оторвав-

шись от готовки, спросила я рыжую.

– И да, и не совсем. Что-то не так было на поляне. И, скорее всего, дело в тех грибах, что мы ели.

– Но Фейт не могла ошибиться, верно? – спросила Талия. – Ты же лучшая на курсе по травологии и смогла бы отличить съедобные грибы от ядовитых.

– Я принесла съедобных опят и немного вешенок. Я уверена в этом.

– А я не уверена в том, что мы ели именно их. В любом случае, это профессор направила нас в лес, и наверняка неспроста. Понять бы, зачем!

– Ты думаешь, она желала нам зла? – недоверчиво спросила Талия.

– Невозможно.

– Нет, я так не думаю, но что-то странное в этом есть. Присмотрись к ней, Фейт, хорошо? И ещё, с неделю назад в архивах магистрата я обнаружила странную вещь. От неё фонит магией, очень мощной.

– И чем это оказалось?

– Мы пока не выяснили. Я отнесла деду, и вместе с магистром Агриппой мы изучаем предмет в его кабинете. Круглая, как тарелка, с семью вращающимися дискам и множеством символов. Это магический артефакт, но что он из себя представляет, мы без понятия.

Странно это всё.

Девочки покинули меня, как только стемнело. Придя к

общему мнению, что пока не стоит появляться на людях, мы решили отсидеться с неделю дома.

Я вздрагивала от каждого скрипа калитки, всё ожидая, когда нагрянет комиссар, но прошла неделя, а за ней следующая, и никто так и не пришёл, что не могло не радовать. Отпросилась у профессора, сказав, что очень много дел в лавке. Собственно, я не соврала. Лето – пора заготовок. Нужно собрать и высушить травы, накопать корней и вырастить на грядках множество различных ингредиентов.

Фрея не поинтересовалась, как прошла моя встреча с девочками, а я не стала поминать былое.

Странно, что нас никто не заметил, пока мы чудили в городе.

С переводом древнерунического текста всё обстояло намного сложнее, но я старалась.

Так в обещанный четверг, ближе к сумеркам, я направилась к дому Фреи. В окнах горел свет, слышались голоса. Профессор была не одна. До меня долетали обрывки их фраз.

– Я не ожидала, что даже внешность будет та же.

– Всё равно считаю, что ты совершила ошибку. Столько времени прошло, стоило что-то менять?

– Ты его не видела, Эмерента, даже спустя столько времени, как будто это было вчера, передо мной всплывает его взгляд, словно все миры рухнули, и он остался один, а в ушах звенит его вой, так кричит умирающее дикое животное. Ма-

теринское сердце такого выдержать не может. Так скажи мне, ты бы хотела такой участи своим детям, пусть даже не родным?

Решив, что мне не стоит больше подслушивать, постучала в дверь.

– Войдите!

За столом в кухне сидела Фрея, в платье цвета серебра, как всегда, с идеальной осанкой, волосы убраны в пучок. Гостем оказалась женщина, не молодая, от пятидесяти пяти до шестидесяти. Каштановые волосы с проседью, карие глаза и оливкового цвета кожа. Женщина смотрела на меня, слегка прищурившись и оценивая, и, кажется, увиденное ей не нравилось.

– Здравствуйте!

– Проходи, Фейт, и знакомься, моя давняя подруга Эмерента.

Я слегка поклонилась. Женщина ж не ответила вовсе и демонстративно отвернулась к профессору.

– Фрея, я останусь на ночь у тебя, надеюсь, тебя не затруднит такая просьба.

Это была даже не просьба, а утверждение. Женщине палец не клади в рот, откусит по локоть.

– Конечно, я пойду приготовлю для тебя комнату, а ты, Фейт, проходи в кабинет, дорогу ты знаешь.

– Ох, вы занимаетесь в оранжереи? Я там чувствую себя как дома, вы же не против, если я к вам присоединюсь?

Профессор только коротко кивнула и скрылась за дверью. Как-то неловко.

Я пошла в кабинет, а за мной следовала гостья. Расположившись за столом и разложив конспекты, переводы и книгу, ощущая при этом на себе взгляд Эмеренты, принялась усердно делать вид, что вчитываюсь в текст.

– И как вам история?

Как же мне не хотелось смотреть на эту женщину! Можно было что-нибудь ответить, уткнувшись в книгу, но это проявление неуважения и в первую очередь к профессору, это её гостья и её подруга.

– Вам известно, чем закончилась эта сказка? – поинтересовалась я.

– Ох, вы даже представить не сможете масштаб последствий.

– О чём вы?

Наш диалог прервала Фрея, войдя с белым бочонком в руках.

– Я подумала, что нам неплохо скрасит вечер благородный напиток.

И разлив по бокалам янтарную жидкость, предложила каждому по бокалу.

– Как обстоят дела с переводом, Фейт?

– Я перевела больше половины, профессор. Конечно, текст получился не полноценный, но что-то я дописывала по смыслу.

– Вот и замечательно. Пусть первый тост будет за это!

Две женщины смотрели на меня с приподнятыми бокалами в ожидании первых слов, я взглянула на старинную книгу в кожаном переплёте. Отражаясь от звёздного неба, мерцал серебряный замочек в виде подснежника, а ниже были рунами нацарапаны строки.

Я подняла бокал.

– За тысячу лет и одну ночь!

Глава 6. Тысяча лет и одна ночь назад

Сумерки начали сгущаться.

Звук, словно раскат грома, пронзил мёртвую тишину улиц, пространство озарило ярким светом.

Я выпрыгнула из портала и огляделась по сторонам. Глаза расширились от неподдельного, живого ужаса. Руки дёрнулись к губам, чтобы сдержать вырывающийся крик.

«Соберись!» – повторяла я, как заклинание, в своём сознании.

– Ес ...– голос предательски сорвался, и я зашлась кашлем.

Как быть храброй, когда колени дрожат, словно сотни диких мустангов несутся по льду? Как быть сильной, когда ты Слабая!

«Не стыдно быть слабой. Стыдно ей оставаться».

Развела руки в стороны, сделала глубокий вдох и со всей силы ударила себя по щекам. На лице начали проявляться алые узоры. Набрала побольше воздуха в лёгкие и что есть мочи прокричала: – Есть кто живой?

Трупы. Запах гари. Раскуроченные улицы, дыры в земле, разрушенные и сожжённые дома, стрелы, мечи и посохи,

остаточная магия заклинаний, разбросанные вещи и тела.

Всюду тела – разорванные, переломанные, пробитые, сожжённые. Трупы всех мастей: ангелов, людей, демонов и фейри. Трупы всех возрастов: стариков, юношей, дев, детей, мужчин и женщин.

– Кто-нибудь живой?

«Хоть кто-нибудь», – молилась про себя.

Война!

Ангелы против демонов. Демоны против людей. Люди против ангелов. Ангелы против фейри. Люди против людей.

Война...

Свет против скверны, лёд против пламени, знания против невежества, смерть против жизни, идеи одних против идей других.

Вдалеке послышался взрыв. Я подняла голову и увидела, как столп огня взмыл в воздух. На окраине города продолжалась битва.

Стали появляться тёмные силуэты.

«Жнецы», – подсказало сознание.

В последний раз обвела глазами площадь.

– Пусть ваши души обретут покой, – склонившись, приложила руки к земле и начала шептать первородные слова, а из-под сплетённых пальцев полился белый свет.

Здесь мне уже никому не помочь.

Развернувшись на звук идущей битвы, я побежала в темноту улиц.

Тени двигались бесшумно среди лежащих тел, останавливаясь только чтобы жестом пригласить душу следовать за ними.

– Цветы? – удивился жнец.

– Не просто цветы, – сказала Смерть, – символ надежды на счастливое будущее.

Жнец обвёл взглядом торговую площадь и вздохнул.

– Мы закончили, Владыка, – с поклоном обратилась тень.

Жнецы и Смерть продолжили свой путь.

Они не вписывались в это место – белые бутоны среди чёрного пепелища. Такие крохотные и слабые, единственные, что дышали жизнью среди того, что кануло в Лету.

Владычица ночи, прекрасная полная Луна, показалась из-за облаков, заливая серебряным светом город, и ей в ответ белым мерцанием на чёрной от гари площади отвечали подснежники.

Я бежала, а в голове так назойливо кричали мысли: *«Что было бы, если бы я смогла появиться раньше? Смогла ли кого-нибудь спасти?»*

Иордин запретил целителям покидать Серебряный город. Дар врачевания был очень редок, поэтому тех, кто мог исцелять, можно пересчитать на пальцах одной руки, и их берег-

ли как зеницу ока.

«Вы будете главной мишенью и первыми, от кого избавятся враги».

Перечить архангелу я не могла. Выслушав его речь и согласившись, что есть в ней доля смысла, я всё же не собиралась ей следовать.

Когда во мне открылся дар целительства, в Серебряном городе в присутствии десяти архангелов я дала клятву, что буду почитать жизнь, помогать нуждающимся и вырывать умирающих из рук жнецов, будь то любое живое существо.

Поэтому, будучи в Серебряном городе, я сжала в руке мерцающий синий кристаллик и, представив, куда хотела переместится, исчезла в ярком свете.

В первую очередь, в мире людей я решила направиться в храм. Я была там частым гостем и называла его вторым домом. Исцеляла больных, делилась знаниями со служителями, обучала желающих высшей речи, гуляла с детишками по рыночной площади, где часто устраивались представления и проходили ярмарки. Сёстры показывали, как заваривать чай и какие травы они используют в лечении.

Храм Ойлистрей встретил паникой, криками и стонами раненых.

Подлетев к ближайшим носилкам, возложила руки к месту ранения. Из переплетения пальцев полился золотой свет, и парень вздохнул с облегчением.

Двое малышей жались в углу, их головы были перебинто-

ваны. Похоже, ранения не серьёзные.

Мне хотелось подойти и обнять детей, сказать, что здесь они в безопасности, залечить их раны, но понимала, что нужно беречь свою магию. На счету каждая крупинка, и, возможно, как раз этой крупинки не хватит, чтобы спасти кому-то жизнь. Сжала зубы и побежала дальше по коридору, высматривая тяжёлые ранения.

Только тем, кому необходимо, остальные потом. Только тем, кто без моей магии может погибнуть.

– Настоятельница Элпис?

– Ох, возвышенное дитя, хвала Небесам, ты здесь.

– Где тяжелораненные?

– В главном святилище.

На другие расспросы нет времени, всё потом. Сначала те, кто на грани.

Главное святилище – отдельно стоящее здание, соединённое коридором с основным. Нужно всего-то было пересечь по дорожке открытое пространство.

Я была практически на середине пути, как в небе раздался грохот, и луч света пронзил землю недалеко от храма. В разные стороны полетели осколки каменной ограды, и ударной волной меня отбросило в сторону, протащило по земле и впечатало в противоположную стену, но всё же я осталась в сознании.

– Голова... – заскулила я.

Поднявшись на трясущихся ногах, на ходу отряхиваясь

от пыли, щебёнки и травы, поковыляла в святилище. Голова кружилась, всё вокруг плыло.

Такое мощное заклинание мог сотворить только архангел, а это значит, что противник не уступает ему по силе.

Ну прекрасно, только этого не хватало. Неужели нельзя перенестись в поле или в горы, подальше от жилых кварталов?

Сумка... Ох, Небеса!

Открыв прикреплённую на боку небольшую сумочку, я едва не расплакалась. Практически все эликсиры были разбиты, а из семи кристаллов телепортации, что успела захватить из города над облаками, уцелели только два.

– Uquetima^{*}

^{*} Эльфийское ругательство, наподобие "дьявольщина".

Разрази вас всех гром, что же вы творите!

Шаг за шагом приближалась к намеченной цели, и приложив немало усилий, чтобы открыть тяжёлую дверь, вошла внутрь.

– Сколько раненных!

Какофония стонов, плача, ругани и криков. Помещение наполнено металлическим запахом крови, сильным ароматом гноя и мочи.

Меня сейчас стошнит.

По правую руку от двери, как карточный домик, друг на друге лежали тела. Их накрыли огромным гобеленом. Не было времени, да и вынести их некому. Врачеватели и служи-

тели храма заняты спасением жизней, их было слишком мало, а раненные всё поступали.

Это тебе не в Серебряном городе отсиживаться. Мерзкий червячок так противно извивался в моей душе. Ну же, соберись. Трусиха.

– Это небожитель! – раздался возглас. – Сюда, помогите. На ватных ногах поплелась к зовущему.

У раненой была оторвана нога, её перебинтовали, но из обрубка сочилась кровь. Плечо было пробито деревянным колом.

Такая юная, сколько ей лет? Нет и двадцати, кому она будет нужна, когда всё закончится? Калека.

– Когда выдерну штырь, нужно будет очистить рану от щепок. Я буду пытаться одновременно остановить кровь на ноге и удерживать кровь из колотой раны в плече. Раз, два, три – дёргай.

От носилок к носилкам. Кого-то клали на голые полы, кто-то лежал на вековых гобеленах.

Когда в святилище внесли нечто похожее на человека, меня уже начало штормить. Сгоревший, ни одного живого участка на коже, чёрный, как уголь. Мужчина был без сознания.

В нос ударил горький запах жжёных волос и палёного мяса.

Не выдержала, и меня стошнило.

– И... извините, мне нужно на воздух. Дайте мне пару ми-

нут.

На меня смотрели с пониманием, смотрели с презрением, кто-то – с жалостью.

Конечно, кто я? Белоручка, изнеженный ангелочек, спустившийся с Небес, которая в жизни не поднимала ничего тяжелее кубка вина. Что могу знать о тяжестях и горестях людей? Я, кто никогда не заболает, кто живёт тысячи лет. Что могу противопоставить людям, у которых уничтожены дома и погибли родные. На их территории ведутся бои.

Сделала глубокий вдох и взглянула на небо.

Ещё голубое, но уже местами окрашивалось в розовое в преддверии сумерек. Такое же, как вчера, такое же, как триста лет назад.

Три века назад здесь заложили первый камень храма.

– Всех не спасти, дитя, – тихо проговорила Элпис, подсаживалась рядом.

Полноватая женщина с седыми заплетёнными волосами, уже давно за шестой десяток, тяжело вздохнула и предложила мне мокрое полотенце.

Я помнила, как она появилась на свет. Видела её рождение, её взросление, видела, как она плакала над могилой мужа, и сейчас старушка глядела на меня уставшими грустными глазами.

– Что произошло?

– Было раннее утро, звёзды ещё мерцали на небосклоне. Я собирала травы. Стояла такая тишина, даже птицы не пели в

саду. Мир как будто замер. В одно мгновение небо залилось таким ярким светом, и с него ударил столп. Кажется, удар пришёлся на торговую площадь. Всё задрожало и, – настоятельница сглотнула, – и запахло цветами. Как будто я оказалась на лугу, где только что распустились первые весенние цветы.

– Нет, не может быть. Вы что-то путаете.

Элпис смотрела на меня странным взглядом... Так смотрят на ребёнка, пытающегося придумать глупое оправдание своей шалости.

– Почему тебя это удивляет, белокрылая?

– Вы сейчас хотите сказать, что первый удар был нанесён с Небес?

Аббатиса смотрела. Смотрела с грустью в глазах.

– Не всё плохое окрашено в чёрный, а разбойник с большака может быть благороднее рыцаря в сверкающих доспехах.

Отвернувшись от настоятельницы, я уставилась на разрушенную от заклинания стену. Камни помяли грядки с целебными травами.

– Я ещё пару минут отдохну, нужно восстановить силы и вернуться в святилище.

Элпис положила свою жилистую руку мне на плечо и легонько сжала.

– Твоя душа чиста, как первый снег, как подснежники в твоих волосах. Я уверена, настанет день, и ты спасёшь чью-

то жизнь. Очень важную для тебя.

Настоятельница встала и двинулась в сторону основного здания.

Я смотрела вслед удаляющейся фигуре. Ещё раз взглянув на небо, поднялась и зашагала в святилище.

Кого-то удалось спасти, кого-то складывали около двери. Хуже всего давалось навсегда закрывать веки детей. Руки дрожали.

– Я отправляюсь в город.

Сжав сверкающий кристаллик в руке и представив образ торговой площади, исчезла в потоке света.

Я неслась по тёмным улицам. Мне встречались люди, гномы, дриады, обычные, простые как медная монета, жители, больше всего пугалась демонов, но и им не было дела до меня. Они собирали свои пожитки, в охапку хватали детишек и так же, со страхом, смотрели в ожидании удара в спину.

Где-то послышалась мольба.

– Помогите!

Побежала на голос.

В полуразрушенном доме, придавленный балкой, лежал мужчина. Пытаясь помочь, женщина приподнимала тяжёлое деревянное сооружение. Тщетно.

Подойдя ближе, увидела на их головах небольшие рожки. Низшие демоны, поняв, кто я, смотрели с опаской.

– Сейчас, я помогу.

Вместе, не с первого раза, но мы сдвинули тяжёлую конструкцию, и я бросилась к лежащему.

Нога сломана.

– Ой, что это? – указала в сторону.

Мужчина обернулся и посмотрел туда, куда я показывала.

Хруст костей.

– А-а-а!

Вправив бедро, пустила магию в тело мужчины. Руки замерцали золотым светом. Тёплое свечение озарило разрушенную комнату. Когда мерцание погасло, кивнув паре на прощание, я побежала дальше.

Элпис говорила, что почувствовала запах цветов. Это заклинание, одно из сильнейших в арсенале Серебряного города. Настоятельница не могла знать про него, а значит, и не могла солгать. Мощнейшее скопление белой энергии с привкусом мёда. Его называли «Свет надежды». И исполнить его могли только архангелы. Только они и только вдесятером.

Архангелы ударили по торговой площади одним из самых разрушительных заклинаний. Там были люди, там были дети, там были простые граждане, мирные жители. И они не пощадили никого.

За что? За что мы сражаемся?

Иордин, предводитель небесного войска, говорил, что демоны решили напасть на мир людей и фейри. Он говорил, что люди отошли от веры Небес, погружаясь во тьму и раз-

врат нечисти.

Лязг мечей.

Я повернула голову в сторону сражения. Ангел сражался с демоном. И можно было бы бежать дальше, если бы не насторожил тот факт, что в сражении участвовали колдуны. Люди посылали заклинания в демона, но они же посылали их и в ангела.

Разве мы не защищаем людей? Почему они против небесного войска?

– Каждый за себя и против всех. Хреновое же у нас будущее.

В следующей подворотне демоны с фейри бились против людей.

В следующем закоулке воин света в небесных доспехах вонзил меч в человека.

По позвоночнику прошёл холод такой силы, что начал сковывать душу.

Что я, дьявол подери, только что увидела?

Воин обратил свой взор на меня и сузил глаза.

– Что ты здесь делаешь? – он узнал меня.

Но я не успела ответить, не успела даже подумать. Шквал огня обрушился на воина света. Два демона стояли на крыше и потоком заклинаний насылали на ангела огонь снова и снова.

Я не солдат и не знаю ни одного боевого заклинания. Обычный целитель.

Мой собрат погиб.

Возможно, могла бы расстроиться, и что-то в груди сжалось на секунду, но ангелы, в отличие от людей, перерождаются. Не сразу, на это уходит несколько веков, но что для небожителя пара столетий, если они живут тысячелетиями?

Перерождаются. Если только не умирают в Аду.

Я спряталась за стоящими бочками и молилась, чтобы меня не увидели.

На соседней улице бушевала магия. Демоны ринулись на помощь братьям. Пронесло...

Ниже по улице квартал досуга.

Фейри разных градаций населяли его. Суккубы и инкубы, низшие демоны, гномы, люди, и иногда я видела, что туда заходили мои братья. Конечно же, исключительно в инспекционных целях. Зачем ангелам связываться с азартом и пороком?

В квартале жили рабочие и обслуживающий персонал. Дворники, бармены, официанты, кузнецы, хозяева игровых домов и таверн, борделей и ломбардов.

Сознание подкинуло картину, что наблюдала пару минут назад. Мой собрат небесным клинком, выкованным в Серебряном городе, пронзил колдуна. Он убил человека.

Прикрыв глаза, увидела торговую площадь, сожжённую дотла «Светом надежды».

Из протрации меня вырвал лязг мечей. Выглянув из-за ящиков и бочек, никого не обнаружила, на улице было пусто.

А вот в небе мелькали фигуры.

Молниеносные движения, звуки скрещенных мечей, два чёрных пятна, они двигались так быстро, что зрение не могло уловить образы участвующих. Ничего хорошего ждать от этой заварушки не стоит. Такие выкрутасы могут творить только архангелы и высшие демоны. А значит, если они применяют силу, то сровняют квартал с землей.

Нет, ну вот серьёзно? Переноситься в пространстве без камней телепортации или древних артефактов могли только высшие создания. То есть те, кто сейчас рассекал небо. Что ж вам на природе, на свежем воздухе-то не скрестить клинки? Щёлкните пальцами и исчезните, Небесами прошу!

В квартале ещё могли быть те, кому нужна помощь.

Рискнуть?

Один силуэт швырнул другого в землю, в воздух длинной дорожкой взметнулась пыль, послышался звук ломающегося дерева. Видимо, второго хорошо протащило по брусчатке.

Точка, что парила в небе, молниеносно направилась вниз, туда, где должен был быть поверженный.

Сейчас!

Ринулась в ворота квартала.

Я свернула с центральной улицы в проулок и вынырнула на параллельную улицу, бежала что есть сил. Где-то рядом должна быть небольшая больница квартала, знала это, потому что настоятельница готовила мази и эликсиры для них.

– Слишком тихо.

Вот говорят – «не зарекайся».

Послышался звук, словно тысячи птиц зачирикали в унисон. Я знала это заклинание, видела масштаб разрушения после него. «Небесная длань» – так называл её Иордин. Дикая, неконтролируемая магия воздуха. Значит, одной из мечущихся точек на небосклоне был предводитель ангелов. Нужно срочно спрятаться, но, боюсь, у меня нет времени.

Дикий порыв подхватил и потащил по воздуху. Грудную клетку сжало, словно в тисках, и стало нечем дышать, меня второй раз за день прокатило кубарем по брусчатке и новым порывом ветра подбросило вверх, после было падение, кажется, я провалилась куда-то, несколько раз ударившись о поверхность.

Сколько времени прошло, не знала. Когда открыла глаза, в воздухе ещё клубилась пыль. Значит, не так уж и долго. Хорошо, что успела наложить на себя защитное заклинание, иначе бы переломало в нескольких местах. И, видимо, Иордин был далеко, раз просто швыряло порывом ветра. А вот кто находился в эпицентре... того просто стёрло в пыль.

– Иордин, что же ты творишь?

Ангелы бы не стали убивать людей, если им не отдали такой приказ.

Неужели ты этому содействовал? Что же происходит за закрытыми золотыми дверями в городе над облаками?

Я протянула руку вверх. Рукав был весь в крови. Опустила руки на грудь, закрыла глаза, глубоко вдохнула, и тело за-

искрилось.

Ничего, нет повреждений. Села и начала осматриваться. В комнату проникал лунный свет с высоких окон, он же падал и с дыры в крыше.

— Оу, видимо, собой протаранила черепичную крышу. Хорошо, что Иордин научил меня щиту.

Моя одежда была измазана в пыли и в крови. Кровь не моя, это уже понятно. Осторожно поднялась на ноги. На полу валялась черепица, кружки, тарелки, еда, осколки стекла из выбитых ставней.

Чей-то дом.

Напрягла зрение и всмотрелась в пол. От входной двери до рядом стоящего стола петляла дорожка крови. Также кровь была и на столе. Возможно, раненный использовал его как опору, чтобы не упасть. Там, где я приземлилась, свалившись с крыши, было несколько луж и отпечатки рук, возможно, раненый упал. Отпечатки были и на косяке двери.

Раненый прошёл в глубь дома.

— Что делать? Идти туда? Как-то жутковато.

Разговоры сама с собой всегда успокаивали.

Крови было много. Может быть, раненный уже мёртв.

«Стыдно оставаться такой».

Сжала пальцы в кулаки и прошла дальше. В этой комнате был не такой бардак, что царил в кухне. Дорожка из крови петляла, её было трудно не заметить, крови действительно было много.

Рядом широкая лестница на второй этаж. А след от крови уводил за эту лестницу.

Глубоко вдохнула, будто глоток воздуха даст храбрости.

– Ох, мироздание, пни меня, дай волшебный подзатыльник.

Раз шаг, второй, и я завернула за лестницу.

На меня, опершись о стену, смотрел сидящий на полу парень. Глаза в полумраке тускло мерцали.

– Не человек, – рассудила я. – Фейри?

Одной рукой он надавливал на рану. Возможно, он читал какое-то заклинание. Потому что если это не так, то как говорила настоятельница храма, то «мёртвому припарка».

Парень не сводил с меня глаз. Видно, что он держался из последних сил, и сказать, что он обладал колоссальной силой воли, это ничего не сказать. Как он ещё дышит, одному мирозданию известно. Резаная рана, словно кто-то полоснул мечом, рассекала его грудь, а правая сторона живота... О Небеса, там как будто рубанули топором.

Сделала пару шагов к сидящему.

Нет, он не фейри.

Я остановилась.

– Демон!

Парень меня услышал.

Вокруг стояла такая мёртвая тишина, что даже если бы иголка упала на ковёр, я бы услышала.

Он смотрел, не отрываясь, а когда в моей руке материа-

лизовался клинок, просто закрыл глаза.

Металл охлаждал руку. Небольшой стилет появился непро-
извольно, когда я поняла, с кем столкнулась.

Уйти – такой была первая мысль. Он уже одной ногой за
чертой.

Он демон. Нечисть. Скверна.

Я уже начала разворачиваться, как в голове всплыли слова
клятвы: *«Я клянусь ценить, защищать и бороться за жизнь
любого существа мироздания, ибо каждый в этом и других
мирах достоин жить».*

Что я сейчас собиралась сделать?

В два шага сократила дистанцию, стилетом подцепила
клок одежды, аккуратно просунула вглубь, чтобы не задеть
плоть, и одним движением разрежала материал. Отбросив
клинок, одну руку приложила к боку, а второй начала дви-
гать по всей длине раны, что рассекала грудь.

Демон открыл глаза. Он всматривался в моё лицо.

Пыталась сосредоточиться под пристальным взглядом
мерцающих глаз, пытая двигала руку от одной стороны гру-
ди до другой.

Широкая, демон тебя раздери, мускулистая... Что?

Почувствовала, как щёки вспыхнули, и это, кажется, не
укрылось от взора демона.

Когда согнутые коленки заныли, поясница уже пела похо-
ронный марш. Я просто не могла больше терпеть, чертых-
нувшись, привстала и, плюхнувшись парню на ноги, оседла-

ла.

Глаза у него от такой наглости расширились, но мне было плевать. А ему? Он не сопротивлялся, у него в принципе не было на это сил, да и выбор был небольшим, точнее его не было вовсе.

~

Я смотрел на ангела, и в голове роились мысли, которые меня удивили.

Красивая. Она чертовски красивая.

В тусклом свете луны плохо видно, кажется, у неё светлые волосы, заплетённые в венок с белыми цветами.

Что это – подснежники? Пухлые губки. Тонкий носик. От неё, конечно, пахнет пылью и кровью. На лице грязь, одежда тоже в грязи и местами порвана.

Её что, протащили по улице, словно прокажённую? Видимо, сегодня она многое пережила.

Она целитель, что она делает в мире людей? Я думал, что их полководец разумный.

Что она там бубнит?

Я сфокусировался на её лице.

– Ты знаешь, что это такое? – В руке она держала шарик, от которого пахло травами. – Это специальные пилюли. Они помогут организму быстрее восстановиться. Ты потерял много крови! Я вообще удивлена, почему ты ещё жив! Но не об этом сейчас, тебе нужно её разжевать и проглотить.

Вот болтушка.

~

К моему удивлению, демон быстро согласился.

Я смотрела, как он легонько кивнул головой, и восприняла это за положительный ответ.

Я бы не стала принимать никакие лекарства от врага. Хотя, вообще-то, если логически порассуждать, я тут тратила своё волшебство, пытаюсь залечить эти душераздирающие траншеи, и было бы неразумно после такого травить его.

~

Глядя на выражение ангельского лица, понял, что девушку унесло, и она уже не со мной.

Где, интересно, она летает?

Я попытался подать голос, но получилось кряхтение.

Наконец её взгляд стал осознанным.

– Жуй, – сказала она и протолкнула шарик в мой рот.

Попытался вздохнуть, и пилюля улетела в горло.

Начал кашлять.

– Нет, нет, нет, – защебетала девушка перед моим лицом, – Прости, ну конечно, откуда у тебя силы жевать, вот глупая, когда ж я повзрослею?

Дьявол, какая ж она болтливая!

~

Услышав, как демон зашёлся кашлем, готова была ударить себя фолиантом по целительству.

Ох, что я натворила!

Грудь парня ходила ходуном, кровь стала стремительно вытекать из разрывающихся ран.

Я открыла сумочку и достала чудом уцелевшую колбочку с серебряной жидкостью – живая вода с фонтана вечной жизни. Набрав полный рот жидкости, обхватила руками лицо парня и прильнула к его губам. Потихоньку вливала в него эликсир. Демон перестал кашлять.

Я отстранилась, но руки не убрала. Всматривалась в лицо парня. Белые длинные волосы были зачёсаны назад и сзади закреплены в низкий пучок. Тёмные брови, острые скулы, точёный подбородок, о который можно порезаться, длинные чёрные ресницы, небесный вздёрнутый нос. Какие у него красивые глаза. Так сияла вода в лагуне, когда на неё падал солнечный цвет. Так блестели камни, которые торговцы из жарких стран продавали на площади. Они называли их – Параиба.

– Не думала, что демоны бывают такими красивыми.

Брови парня взлетели вверх.

Что это он? Я что, это вслух сказала? Небеса, стыдно-то как.

Я поскорее опустила глаза и накрыла раны руками.

~

Я продолжал всматриваться в её лицо.

Милая, нечего и добавить. Я многих девушек встречал, многие из них были очаровательны и милы, многие старались быть таковыми, и все хотели расположить меня к себе,

но сколько бы их ни было, никогда не встречал такой, как она. Во-первых, потому что она ангел. И очень странный. С братьями я многих утаскивал в Ад, многих пытал. Кто-то из пернатых продавал информацию о Серебряном городе и их обитателях. И по этой информации троих целителей должны были укрыть в залах города, а эта голубка сейчас сидит на мне и что-то бубнит себе под нос. Да, на моём пути вставали ангелы, но то были мужчины. Женщин я встречал пару-тройку раз, они шарахались от меня, как от скверны. Кто-то начинал заикаться, кто-то просто моментально телепортировался. Но эта...

– П... по... Почему?

Она подняла на меня свой взор.

Дьявольская бездна, какие же красивые у неё глаза. Тёплые, словно солнце!

– Тебе нельзя ещё говорить, – произнесла ангелочек.

Она стала рыться в сумке и достала пилюлю. Закинула себе в рот и начала жевать.

– Прошу, приоткрой рот.

Я подчинился и был ошарашен, когда она, прильнув ко мне, поцеловала.

~

Разжевав отвратительную на вкус пилюлю, я попросила демона открыть рот. Он смотрел на меня, не отрываясь, а я от смущения закрыла глаза. Протолкнув разжеванную горькую массу в рот парня, отстранилась.

– О Небеса, какие же они мерзкие, надо в следующий раз мёда добавить в состав.

Наверное, моё лицо от горькости пилюли перекосило, потому что лёгкая улыбка коснулась губ парня.

– Ты спрашивал – почему? Мне не нужна причина, чтобы помочь нуждающемуся.

Я снова принялась за раны. Медленно, но они стали затягиваться.

– Это ангельский клинок оставил такие раны? – спросила я.

Парень отрицательно качнул головой.

– Архангел, – прошептал он.

Вот как. Поэтому они так тяжело заживают. Мечи архангелам куют в небесной кузнице с большим количеством заклиний, и простому ангелу удержать его не по силам. Удивительно, что этот демон смог выжить после таких ударов.

Достала ещё одну пилюлю и закинула в рот.

Я потратила на его исцеление колоссальное количество магии, поэтому надо придумать план отступления. Лечить его до полного исцеления не намеревалась, иначе он не даст мне скрыться.

Благодетельства ждать от него не стоит.

~

Я смотрел, как театрально ангел начинает покачиваться из стороны в сторону.

Актриса из неё никудышная. Все истинные мысли как на

ладони, или просто меня уже не проведёшь этими девичьими трюками. Она сказала, что магии у неё практически не осталось и до полного восстановления исцелить меня не сможет.

Крылатая врунишка!

– Спасибо.

Она перевела на меня взгляд, и в нём я прочитал искреннее удивление. Не ожидала она услышать от меня слова благодарности.

Я всё ещё чувствовал себя плохо. Телепортироваться в Ад сейчас точно не выйдет, мне нужно восстановиться полностью.

– Ты исцеляла раненных?

Не отрывая рук и глаз от моего тела, девушка кивнула.

– Храм Ойлистрей?

Она замерла. В точку.

Ходили слухи, что кто-то из пернатых якшается с людьми. Но чтобы целитель, этого я не ожидал.

Ангелы были высокомерны и спускались в мир людей очень редко.

Тоже мне защитники. Этим и пользовались демоны. Можно сказать, что мир людей и демонов соединился. Многие из низших демонов перебрались в город, многие из фейри перешли на сторону Ада.

Теперь понятно, почему она странная – слишком много времени проводит с людьми. Забавно.

– Эта последняя пилюля, – и, закинув её в рот, девушка

начала жевать.

Она пододвинулась поближе ко мне и робким движением соединила свои губы с моими. Начала проталкивать раздроблённую пилюлю в мой рот.

Я положил свои руки ей на талию, и ангелок распахнула глаза. Она хотела отпрянуть, но я не позволил, сильнее надавил на поясницу, тем самым прижав её к себе и, насколько это было возможно, нежно сдавил губы.

Пальцами провёл вверх по позвоночнику, коснулся открытого участка шеи, и девушку словно молнией ударило. Она дёрнулась, приподнялась и стиснула бёдра, но я рывком усадил её обратно на себя. Зарылся рукой в сплетение её волос. Несильно сжал и ...

Что это было? Мне показалось, или с её губ сорвался тихий стон?

Звук был короткий, но определенно полным удовольствием. Я глубже запустил пальцы в заплетённые волосы и начал массировать кожу головы. Девушка закрыла глаза и замурлыкала.

Я углубил поцелуй, и она робко ответила.

Кажется, я забрал себе её первый поцелуй, и хоть он со вкусом горькой пилюли, меня это не остановит, мне это *нужно*.

Нежнее, глубже, главное, не спугнуть.

Девушка дышала тяжело.

Он целовал меня. Кажется, все мои мысли исчезли. Руки начали дрожать, и я не придумала ничего лучше, чем обхватить ими его шею. Страх постепенно ушёл. Становилось жарко, и катастрофически не хватало воздуха. Пульс начал учащаться, сердце забилося сильнее. Уже не увернуться, не убежать, но подсознательно я понимала, что это мгновение прекрасно. В животе стало щекотно. И пусть привкус был горьковатый, но мироздание, прошу, пусть этот момент останется навсегда, застынет в пространстве, как изображение на картине.

В теле начало разгораться пламя, кажется, что всё вокруг завращалось с бешеной скоростью. Я сильнее прижалась к парню, и в этот момент он разорвал поцелуй.

Я еле-еле распахнула глаза, всё плыло. Ухватила руку за остатки одежды, что были на нём. Плечи широкие и сильные. Я пыталась сконцентрироваться, и в глазах наконец появилась чёткость.

Всё ещё держась за его плечи, потрогала материал. Он был грубый и плотный.

Странный пиджак. Где-то я такой видела.

Демон поднёс руку к моему лицу и приподнял за подбородок. Большим пальцем нежно очертил контур губ.

– Ты очень вкусная!

Я подняла глаза и встретила с двумя яркими звёздами. Такие мерцают в самую тёмную ночь, и сейчас его глаза сияли именно таким светом. В них я разглядела триумф и тан-

цующих бесят. Он улыбался.

Я почувствовала, что у меня не осталось сил, ни крупицы магии. Круговерть вокруг стихла, но я сама вдруг будто стала качаться на волнах.

Что-то не так. Отстранившись, перевела взгляд на его ра-
ны. Они зажили, даже шрамов не осталось.

Это невозможно. Этого просто не может быть... Если только...

Я снова схватилась за одежду.

Это не пиджак, это – мундир. Форма высшего эшелона демонов.

– Нет, – начала качать головой. – Нет, нет, нет, что я на-
делала?

Подняла на него глаза. Он улыбался нежно и смотрел за
моей реакцией. Я не чувствовала в нём ни злобы, ни тёмной
магии, только интерес.

– Да, голубка. Ты только что спасла вражеского генерала.

Демон приблизился ко мне. Губами он коснулся моего
уха, мимолётно облизнул. От этого у меня прошёл разряд по
позвоночнику, и мужской голос завибрировал в моем созна-
нии:

– Да не простого генерала войск. Меня зовут Орион.

Он облокотился на стену и улыбнулся. Похоже, ему до-
ставляло удовольствие видеть, как я меняюсь в лице, как
прихожу в ужас от услышанного.

Я не могла пошевелиться.

Орион – это имя знакомо каждому небожителю. Ребёнок, что родился в Серебряном городе от союза двух взбунтовавшихся ангелов. Вместе с родителями и чёртовой дюжиной он был с позором низвергнут. Падший.

Передо мной сидел наследный принц Ада.

– Могу я узнать имя своей спасительницы?

Сознание начало покидать меня, и, уже уткнувшись лбом в шею демона, из последних сил прошептала:

– Фейт...

– Какая ирония.

Я почувствовала, как он обнимает меня, и нас затянуло в портал.

Глава 7. Я тебя нашёл

Яркое солнце било в глаза.

Я накрылась с головой одеялом. Не помогло. Жарко. Стала ворочаться. Скинула покров, потянулась на кровати и распахнула глаза. Белый потолок.

«*Мое имя Орион*», – пронеслось в голове. Я подскочила.

Где я? Я умерла? Переродилась? Какой сейчас год?

За дверью слышались разговоры. Стала озираться по сторонам. На стене висел потускневший от времени гобелен. Некогда белое полотно с золотым витражом и светящим над ним солнцем.

Храм Ойлистрей. Я в царстве людей. Как я сюда попала?

Не найдя обуви, босыми ногами направилась к двери.

Выйдя в коридор, пошла на голоса.

В небольшой комнатушке с выходом в сад сидела настоящая Эльпис и одна из старших служительниц.

– Дитя небес, ты очнулась. Мы переживали за тебя, ты была так бледна, когда тебе принесли.

– Как я попала к вам?

– Мы нашли тебя на ступеньках у входа в храм. Ты была без сознания и такая холодная, что, как и сказала настоящая Эльпис, мы едва не сочли тебя мёртвой.

– Хвала Небесам, это не так, – вздохнула Эльпис.

Перед глазами стояло лицо Ориона, его сияющие, как море на солнце, бирюзовые глаза.

– Как давно вы меня нашли?

– Три дня с тех пор минуло.

Меня качнуло.

Три дня... О Небеса... Это плохо, это очень плохо!

Я потянулась рукой к месту, где обычно на боку висела сумочка. Нужно срочно возвращаться в Серебряный город. Кажется, у меня оставался один камень телепортации.

– Где мои вещи?

– Твоё одеяние только для половых тряпок сгодится. А сумка в моей комнате.

Элпис поднялась и жестом пригласила меня следовать за ней. Комната настоятельницы находилась в самом дальнем крыле храма. Скромная обитель: кровать, кресло, шкаф с вещами, свечи, стол и стул. На столе лежала небольшая книга, она испускала лёгкое свечение.

– Вы всё ещё её изучаете? – я указала на стол.

– Ох, но мне она не по зубам. Читаю, когда не могу заснуть. Небесная магия мне не поддаётся. Да и манера изложения знаний уж очень специфичная.

Эту книгу я подарила Элпис, когда она решила остаться служить в храме. Я прочитала её от корки до корки сотни раз и знала наизусть. Мне же её давным-давно отдал Иордин из своей личной коллекции в день, когда стало известно, что я наделена даром исцелять.

Иордин...

– Ох и огребёт же кто-то!

Элпис залилась смехом.

– Скажи, небесная, в Серебряном городе не дивятся твоей речи? Тебе нужно меньше общаться с рыночными мальчишками и торговками.

– Наверное, вы правы. Но это так интересно! Вот недавно я узнала, что «наливное яблочко» – это не спелый фрукт, а задница кузнеца Дункана.

– Действительно ценные знания. Жизнь людей быстротечна. Мы стараемся жить и использовать любые возможности, чтобы любить и быть счастливыми.

– Поэтому люди прыгают на сеновале?

– Прости, что?

– Когда мы с Мирой ходили купить мяса для праздника, продавец сказал, что у меня кирпичное лицо и мне следует от души попрыгать на сеновале, это сделает меня счастливее.

– Мясник Яков? Ох, я ему уши-то понавыкручиваю. Это аллегория, но не мне объяснять её смысл.

– Скажите, настоятельница, вы боитесь демонов?

Элпис посмотрела на меня с интересом.

– Я редко с ними сталкиваюсь. Но знаю, что в городе их стало предостаточно. Одни опасны, другие живут простой мирской жизнью. У одних я однажды покупала ингредиенты для целительных настоев, которых не найти в мире людей.

– Мир людей... Он совершенно не похож на небесный.

Здесь всё кипит, бурлит, как горячая речка. Когда служительницы берут меня с собой на торговую площадь или на ярмарку, там среди шума я чувствую, что во мне что-то просыпается. На Небесах всё не так. Там время течёт по-другому, кажется, что всё замирает. Там так ... одиноко.

Настоятельница всматривалась в моё лицо, и незаметная улыбка коснулась её губ.

– В храме ещё нужна помощь?

– Нет, небесное дитя, ступай с миром.

Я достала мерцающий кристаллик. Сжала в руке и исчезла в потоке яркого света.

А женщина ещё долго всматривалась туда, где пару минут назад сидела девушка.

Город над облаками встретил тишиной.

– Кто бы сомневался, что тут будет иначе.

Ох, что делать? Идти с повинной или спрятаться в своих покоях? Пока я думала, судьба сама решила за меня.

Пройдя в Золотые ворота, я очень захотела развернуться и прыгнуть с облаков. Небесный сад пересекал Иордан с десятком ангелов и что-то им говорил. Он увидел меня и резко остановился. Лицо не выражало ничего, а воздух стал таким тяжёлым и затрещал от обилия магии, что рядом стоящие отпрянули от архангела.

– В мои покои. Незамедлительно.

Мне не было так страшно, даже когда я столкнулась с Орионом.

Орион...

Иордин развернулся и зашагал в центральное здание. Я последовала за ним. Воздух трещал. На пути нам встречались ангелы, менялись в лице и расходились в стороны.

Пахло грозой.

Дверь за мной захлопнулась. Бежать некуда. Мы были в покоях Иордина.

– Ты ослушалась моего приказа. Я запретил покидать город.

– Я хотела помочь людям.

– Ты могла погибнуть.

– Я была в храме и исцеляла тяжелораненых. Там было безопасно.

– Я совершил ошибку – слишком многое тебе позволил. Когда ты попросила учиться исцелять людей, я дал тебе доступ к библиотеке архангелов. Когда ты начала красть оттуда книги, я и на это закрыл глаза. Когда ты попросила спускаться в мир людей, чтобы им помогать, я и это тебе позволил. Но то было мирное время. Ты ослушалась приказа архангела, ты стала слишком своевольной. За такое отрывают крылья и низвергают.

– Простите!

Предательские слёзы подступили к глазам.

– Посмотри на себя, ты плачешь, стала слишком чувстви-

тельна, похожа на людей. Это не допустимо.

Я с хрипом втянула воздух и попыталась успокоиться.

Иордин подошёл к столику, где стоял кувшин. Наполнил два стакана, один поднёс мне и предложил присесть, сам же сел за стол и развернул свитки.

Горячая вода, лимон и мята с мёдом – я сама каждое утро приносила ему в покои.

Глотнув, немного успокоилась.

– Как много собратьев пало в бою?

– Много, – сказал Иордин таким тоном, словно говорил про свечи.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Ни одной живой эмоции. Раньше я могла посчитать, что он обладает большой выдержкой и силой воли и никоим образом не показывает свои внутренние переживания. Но так ли это было на самом деле?

– Самое главное, что мы сократили ряды демонов и добились одной из поставленных задач – наследник Ада мёртв.

Ккххаааахх.

Я подавилась. Из носа и рта потекла вода, и я залилась кашлем. Иордин оторвал взор от свитка и посмотрел на меня.

– Просто... это... вода в два горла зашла, извините!

Тыльной стороной ладони я вытерла мокрое лицо.

– Глупец подставился, когда пытался защитить своего колдуна. Маг был слаб, после использования защитного ба-

рьера от...

Тут Иордин осёкся.

– По итогу я нанёс Ориону раны, что несовместимы с жизнью.

– Вот как...

– К сожалению, свита этой скверны смогла уйти. Но на пути нам повстречался один из генералов, но и он пал.

– Ммм...

Свита наследного принца Ада – это Малакай и Бастиан. Когда-то были очень известными людьми. Орион склонил их ко тьме и сделал своими приспешниками. Где он, там и они.

Малакай – некогда верховный маг всех земель от Синего хребта до Мёртвого моря. Молодой, талантливый и могущественный колдун. Гений. Ему давалась магия Небес, тёмная материя и некромантия. Его боялись, его почитали, но в один момент он просто исчез, а когда нашёлся, то уже не был человеком.

Бастиан – герой, о котором слагали легенды. Непобедимый воин, защитник человечества, никто не мог устоять против его разящего меча. Спасал принцесс от драконов, уничтожал гоблинские войска, бился с гарпиями, спускал застрявших котят с деревьев, помогал переходить бабушкам дорогу. В общих чертах – покоритель девичьих сердец и персонаж любовных романов, ненавистный мужчинам и обожаемый дамами – завидный жених. В один прекрасный день исчез, а когда нашёлся, его глаза стали светиться в темноте.

Из размышлений меня вырвал стук в дверь.

– Войдите!

– Святейший архангел Иордин, вас просят в зал советов, – сообщив это, ангел откланялся и исчез за дверным проемом.

Иордин свернул свитки, встал из-за стола и направился к выходу. Дверь тихо закрылась, и я осталась одна.

Их целью был Орион. Он, защищая Малакаю, получил ранение. Такой сильный маг, как правая рука принца, не мог ослабнуть от защитного заклинания. Он, конечно, слабее чёртовой дюжины генералов, но всё же. Значит, он создал что-то мощное и серьёзное. По итогу старания ангелов были тщетны, ведь я не дала Ориону погибнуть.

«Запахло цветами, как на лугу».

– Нет. Нет, нет!

Небеса ударили «Светом надежды» по площади, чтобы убить принца и его свиту.

В голове звенели слова архангела:

«Добился поставленной цели».

– Какой ценой, Иордин?

Я встала с кресла. Мне стало тошно находиться в его покоях. Поставив стакан на столик, я решила пойти в сторону огородов. Нужно собрать травы и зачаровать, набрать воды из фонтана вечной жизни и с помощью сильных заклинаний понизить силу воды, ведь человек слабее ангела, а значит, в чистом виде ему давать такой эликсир нельзя. Нужно много склянок под эликсиры и пилюли. Я не смогу изменить то,

что сделали мои собраты, но я буду делать всё возможное, чтобы те, кто пострадал, смогли пережить последствия.

Я со всей силы шарахнула дверью покоев, но легче мне не стало.

Орион

– Ещё раз повтори, что ты только что сказал.

На меня смотрели две пары глаз. Одни чернее самой тёмной ночи, другие насыщенно рыже-коричневого оттенка.

– Я оставил её на ступенях храма.

– Небесного целителя?

– Именно так я и сказал.

– Ты что, головой ударился сильно?

Малакай был не просто зол, а чертовски зол, как тысячи адских гончих. Бастиан же сидел, попивая холодный виски, и не встречал в перепалку. Вышколенный военной субординацией, он редко позволял себе расслабиться.

– Я думал поступить по-другому, но просто не смог.

– Отчего же? Она вражеский целитель.

– А я был вражеским солдатом, но жизнь она мне спасла.

– И ты решил прекрасный акт альтруизма пернатой превратить в обмен услугами? Вернуть долг, да?

– Ты просто не видел её лица, когда она поняла, кто я.

– Ей стало противно?

– Нет, ей стало страшно.

– И ты пожалел девчонку. Проклятые Небеса, я всё забываю, что ты ангелом был рождён. За девятьсот лет в Аду ещё

не выветрились кучерявые облачка?

– Спокойнее, Малакай, ты уже перегибаешь палку, – Бастиан указал на колдуна и жестом велел тому сесть.

– Спасибо за поддержку.

– Я не на твоей стороне, Орион. Мы давно вместе, многое что творили, многих убили, но ни я, ни ты, не Малакай никогда не убивали женщин.

– Мы бы не стали её убивать, просто получили нужную нам информацию, – не унимался колдун.

– И ты считаешь, что её появление в Аду осталось бы незамеченным? А когда слухи дошли бы до Короля, он оставил бы девушку в живых?

Малакай тяжело вздохнул и откинул голову на подголовник кресла.

Коньячного цвета глаза Бастиана, что светились в полумраке помещения, излучали спокойствие.

– Я рад, что ты жив, Орион. На этом всё. Что сделано, то сделано. Я надеюсь, судьба с ней тебя больше никогда не сведёт.

Мне стало смешно. Парни посмотрели на меня как на душевнобольного.

– В этом-то вся и ирония, братья мои.

– И в чём же, наш принц?

– Девушку звали Фейт.

– Храни нас вечное пламя Ада, – и колдун, схватившись за переносицу, рассмеялся.

Звякнули бокалы. В борделе заиграла музыка, и к молодым людям присоединились полуобнаженные суккубы.

Фейт

Пока Иордин был на совещании, я успела добежать до обители Света. Насыпав в сумку побольше кристаллов телепортации, выхватила из стеллажей пару колб и зачерпнула из фонтана воду вечности. Как я и думала, уже к закату вход в обитель был запечатан заклинаниями.

Говнюк!

Несколько дней я демонстративно бродила по садам, отдыхала в тени деревьев и рассаживала цветы и лекарственные травы. А под покровом ночи кралась в лаборатории. Готовила масла, мази и пилюли, высчитывала пропорции и разводила эликсиры, чтобы человеческий организм мог выдержать. Убиралась в библиотеке. Ну, как убиралась, переставляла книги. То, что мне было нужно и интересно, хранилось в библиотеке архангелов, а туда мне теперь дорога закрыта.

Каждое утро я приносила в покои Иордина свежие цветы. Зачем я это делала, ума не приложу, ему было на них плевать, и за четыреста лет он ни разу не сказал, что они прекрасны, или хотя бы простое «спасибо». Наполняла кувшин горячей водой с перетёртой мятой и лимоном с добавлением ложки мёда, а на ночь желала приятных сновидений. Под покровом ночи перемещалась в мир людей, оставляла мешочки с приготовленными лекарствами и быстро возвращалась на Небеса. Весть о том, что наследник демонов мёртв, oble-

тела все три царства. В Серебряном городе все успокоились, считали, что после жестокого сражения и потери нескольких генералов и принца жители нижнего мира зализывают раны. Представители Ада не высывались, а если и гадили Небесам, то втихаря и без следов. Архангелов осталось восемь, и вполовину сократилось небесное войско. Цена победы. Средний из миров потихоньку отстраивался заново, жизнь возвращалась в прежнее русло. Так прошло полгода. А мне с первой ночи после войны как снились сожжённые тела на площади, так и продолжали сниться. И ещё иногда сияющие бирюзой глаза.

Так, барахтаясь в кровати, проснувшись от очередного кошмара, я вспомнила мерцание глаз Ориона и его улыбку.

Рука потянулась к губам. Мой первый поцелуй, и он был с демоном – прекрасно.

Человеческие девушки часто сплетничали между собой о парнях, об их сильных руках, страстных губах, горячем языке и о том, как хорошо они умели им пользоваться. Тело помнило. И внизу живота предательски сжалось что-то.

– Вот же дьявольское отродье!

«Ангельское, – подсказало сознание. – Принц был рождён ангелом».

Я скучала по Элпис, по Мире, по ворчливой Аурике, по мальчишкам с площади, что палками гоняли круглую железяку и получали нагоняй от торговцев.

Мироздание, надеюсь, они остались живы.

Скучала по песням, что пели барды в воскресенье на улицах, по танцующим гражданам, их смеху и плохим словам.

Я поняла, что этой ночью мне не заснуть. Встав с кровати, вышла в сады.

Как прекрасен небосвод, чистое звёздное небо.

Легла на траву и стала рассматривать созвездия.

Вот Полярная звезда, Большая и Малая Медведица, Кассиопея, Альтаир, там Лебедь, Сириус, созвездие Тельца и созвездие Ориона.

– Мироздание, да ты издеваешься!

– И чем же оно тебе не угодило?

Я дёрнулась в испуге. Как он подошёл так незаметно?

– Иордин, доброй ночи вам.

– Доброй, Фейт. Не спится?

– Нет. А вам?

– Я только что вернулся из мира людей.

– Нам ожидать хороших новостей или плохих?

– Никаких.

– Отсутствие новостей – это уже хорошие новости, разве нет?

Иордин не ответил, а по его лицу невозможно прочитать о чём он думает. Маска. Непроницаемая маска. Он взглянул на небосвод.

– Порядок, контроль и внемление к словам Небес, вот что должно быть во всех мирах.

Он развернулся и зашагал в сторону святилищ.

– Приятных сновидений вам, – пожелала я ему в спину.
Ответом мне была тишина ночи.

Первые солнечные лучи стали освещать Серебряный город. Они с особым упорством пытались пробиться сквозь закрытые веки. И в итоге я их распахнула.

Шея затекла, поясница болела. Я провела ночь в саду – прекрасно. Озираясь по сторонам, поняла, что обитатели Небес ещё не проснулись. Быстро отряхнувшись, пошла в свою комнату. На сегодня у меня намечался важный разговор, нужно подготовиться как морально, так и физически, как минимум вытряхнуть траву из волос.

Ближе к полудню я постучала в покои Иордина.

– Войдите!

– Доброго вам дня, Иордин.

Я ведь никогда не обращалась к нему официально, как это делали другие ангелы, возможно, на первых порах, когда была совсем малышкой. После одного столетия Иордин обнаружил во мне дар целительства, взялся обучать, помогал с древними текстами и заклинаниями, с первородными словами и высшим наречием. Я часто засыпала за скучными текстами в его покоях, а наутро просыпалась в своей кровати.

Он что... переносил меня на своих руках? Отлично! А как по-другому я могла оказаться в своей спальне? Нет, он же мог меня телепортировать. Дурёха, тогда бы ты проснулась. Перемещаясь в пространстве, этого нельзя не почувствовать. Точно на руках нёс.

Придя к этой мысли, я почувствовала себя не в своей тарелке.

– Фейт?

О, точно, опять меня унесло.

– Я пришла к вам с просьбой.

– И с какой же?

– Разрешите мне спуститься в мир людей.

Можно часами смотреть на кусок мрамора и ничего там не увидеть. То же самое с Иордином. Понятно, что ничего не понятно.

– Какова причина этой просьбы?

– Я хочу убедиться, что в храме всё спокойно и все служители заняты своей работой и ни в чём не нуждаются.

– Вот как. Благие намерения. Хорошо, ступай.

Что, так просто?

– Благодарю.

Я уже начала уходить.

– К закату чтобы явилась в Серебряный город.

– Вас поняла.

Я вышла и тихонько закрыла дверь и, сделав пару шагов, ринулась по коридору.

Так, стоп.

Вернулась к двери в покои и снова постучала.

– Что-то ещё, Фейт?

Как он догадался, что это снова я?

Видимо, прочитал вопрос по моему лицу, ведь то, что он

изрёк, меня поразило.

– Так ломиться в покои Верховного архангела можешь только ты, Фейт.

Я ойкнула.

– Архангел Иордин, у меня нет камней телепортации.

Он приподнял бровь.

– Я попрошу стражу открыть для тебя обитель Света.

– Благодарю вас, извините.

Через пару минут я топталась около святилища. Ждала. И снова ждала. Примерно через полчаса появились два ангела. Они приложили руки к дверям, прошептали заклинания, и письма с дверей исчезли. Я вошла в обитель и захватила столько камней, сколько позволяла моя рука. Уже уходя, я посмотрела на фонтан.

Была не была.

Подойдя к стеллажу, взяла с полки самую большую колбу и зачерпнула воды. Стражники на меня косо посмотрели, но ничего не сказали.

Первым делом я вернулась в свою комнату. Колбу с серебряной водой запрятала подальше в шкаф, достала сундучок, полный камней, и отсыпала из сумки больше половины. Захлопнув крышку, убрала поглубже и закидала вещами.

Сегодня воскресенье. Представив ворота храма Ойлистей, я растворилась в ярком свете.

Мира и Аурика были на кухне, готовили обед и напевали песню. Я решила подшутить над ними.

– Всем ни с места!

Девочки завизжали и бросились меня обнимать.

– Мы уже и не верили, что сможем тебя увидеть.

– Я думала, что ты нас бросила.

– Не в этой жизни, девочки, – с улыбкой успокоила я их.

Они усадили меня за стол и принялись рассказывать, что с ними произошло за это время.

– Хочешь вина? – подмигнула мне Аурика.

– Только вместе с вами.

– Если настоятельница увидит, она заставит драить все полы храма, – зашептала Мира.

– Если увидит. В крайнем случае, свалим всё на Фейт.

– Вот спасибо.

Достав из глубин шкафа небольшую бутылку из тёмного стекла, Аурика разлила в три чашки, практически до краев.

– Это не вино храма, откуда оно у тебя?

– Стащила у мясника, когда тот увлечённо пилил кости барашка.

– За встречу.

– И будущие тоже.

– До дна.

В коридоре послышались шаги.

– Прячь быстрее!

Мира схватила чашки и бросила их в таз с водой. Аурика

на половину залезла в шкаф и чем-то там гроыхала.

В проходе появилась Элпис.

– Благословенен седьмой день, ведь он посылает нам такие прекрасные встречи.

Я подскочила с табурета и бросилась к настоятельнице.

О мироздание, мне так не хватало объятий. Мне так не хватало человеческого тепла и добрых улыбок друзей.

– Вам нужна помощь?

– Нет, дитя света. В храме все живы и здоровы благодаря твоим посылкам.

– Это чудесная новость.

– Пойдём, не будем отвлекать девочек от работы.

И мы вышли в сад. Фруктовые деревья уже отцвели. Лето было в самом разгаре.

– Вкусное вино? Вишнёвое?

– Не сердитесь настоятельница. Мы были так окрылены нашей встрече.

– Хорошо. Но огород они мне прополют.

Где-то неподалеку послышалась музыка. Я повернула голову на звук.

– Иди, белокрылая, – тепло улыбнулась настоятельница.

– Но я только что вас встретила.

– Успеется. Я никуда отсюда не денусь, а юность прекрасная пора. Беги.

Я поцеловала Элпис в щёку и побежала к воротам храма.

Орион

Суккуб, дразняще поглаживая меня обеими руками, легко толкнула на подушки. Её пышная грудь, прикрытая прозрачным красным лифом, не скрывающим ничего, вздымалась перед моими глазами. Комплект дополняли лишь такие же прозрачные красные трусики.

Трусики? Я бы сказал, ленточки. Пошло.

Пританцовывая, медленно опустилась мне на колени. Руки окольцевали мою шею, и она принялась покусывать мочку уха, не переставая волнообразными движениями двигать бёдрами, всё сильнее и сильнее давя мне на пах.

– Что вы хотите, чтобы я сделала, мой господин?

Она отстранилась и надула губки, хлопая глазами.

Мерзость! Больше всего меня раздражало, когда демоны похоти или человеческие шлюхи строили из себя невинных ангелочков.

Фейт. Её янтарные глаза.

Прошло полгода, а её образ всё никак не хотел покидать мой мозг, кем бы я ни пытался её заменить. Суккубы, ламии, гарпии, нимфы, ундины, дриады, берегини, люди. Блондинки, брюнетки, рыжие, хвостатые, крылатые. Она всё ещё в голове.

Её грязное лицо, как будто её окунули в пыль. Как она пыхтела, когда лечила меня, а потом прокляла Ад и плюхнулась мне на колени. Как она морщила носик, когда разжёвывала горькие пилюли.

Все это вызывало во мне улыбку.

Как робко она касалась моих губ, ей было тогда так неловко и страшно. Получается, у меня тогда тоже был первый поцелуй, за девятьсот лет я никогда не целовал ангела, а она не целовалась в своей жизни вовсе. И красные щёки можно было разглядеть в полутьме. Вот это и есть невинный ангелочек. Хотя тут стоит вспомнить, как она прильнула ко мне, и её стон, пусть и мимолётный, когда она страстно желала, чтобы я касался её.

От этой мысли плоть начала наливаться кровью, и в брюках стало тесно.

Суккуб это почувствовала, приняла на свой счёт и со стоном опустилась мне на пах, начиная тереться активнее.

Я повернул голову.

У Бастиана на коленях пригrelась девица и что-то шептала ему на ухо. Он поглаживал её голое бедро, лениво отвечая.

У Малакая дела обстояли поинтереснее. Он, собственно, никогда скромностью не страдал. Нрав у него был горячий и дикий. Суккуб была полностью обнажена. Рука колдуна активно двигалась между её ног. Он целовал её, яростно впиваясь в губы, а она подрагивала и извивалась, но колдун крепко держал её волосы в кулаке.

– Господин?

Я перевёл взгляд на суккуба. Взяв её за талию, начал толкать назад, пытаюсь спихнуть с себя. Демон подчинилась, я поднялся и, схватив её за запястье, потащил за собой.

Ощутил на себе взгляд двух пар глаз.

Нянечки мои. Мы и так раньше ходили везде вместе, а теперь эти пиявки вообще от меня ни на шаг. Хорошо, что хоть свои кровати в мою спальню не перенесли.

Я завёл суккуба в комнату. Помещение было отделано в красной палитре. Красные стены, красный ковёр, красные кресла, красный балдахин на кровати, красное покрывало, даже стол был обтянут в плотный красный бархат, всё, кроме свечей, – они были чёрными. Девушка прошла вперёд и повернулась ко мне лицом. Начала одной рукой вытягивать мою рубашку из-под пояса, а вторую просунула мне в брюки. Я закрыл глаза и запрокинул назад голову.

– Желаете её?

Что?

Я открыл глаза и поднял голову.

Передо мной стояла Фейт, в этом отвратительном прозрачном белье, и улыбалась. Я стиснул зубы.

– Не смей!

Видимо, девушка считала эмоции на моём лице, потому что улыбка быстро померкла, и она испуганно вернулась в свой прежний облик.

– Извините.

Я всегда был чуток. Всегда заботился о партнёршах, вне зависимости от расы, считал, что в сексе должны получить удовольствие двое, даже больше девушка, чем я, но она меня вывела. Да, она не виновата, что в моей башке засела ангел

и никак не желала уходить, но в этот момент мне было всё равно. Мысль о сексе на кровати улетела в самые отдаленные уголки Чистилища.

Я схватил девушку за плечо, развернул к себе спиной и толкнул к столу.

– Извините, – залепетала она.

Её жалобный голос немного остудил мои мозги.

– Я не причиню тебе боли. Но я не настроен на нежность. Девушка кивнула. Она сама расставила ноги и прогнулась. Какой же я убогодок.

Поставил руки по обе стороны от её тела. Опустил голову и выдохнул. Посмотрел на девушку. Она покорно стояла и ждала. Указательным и средним пальцем я провёл по позвоночнику от начала до основания. Поддел трусики и спустил их. Девушка приподняла сначала одну ногу, затем вторую, избавляясь от клочка кружевной ткани. Я прикоснулся к внутренней стороне её бедра, и суккуб вздрогнула. Пальцы направились к лону. Я стал легонько касаться чувствительной плоти, большим пальцем оглаживая горошинку клитора. Девушка горячо отвечала на ласку. Я раздвинул уже влажные лепестки половых губ и ввёл один палец, наслаждаясь ответным стоном. Суккуб начала двигаться, насаживаясь. Ввёл второй, и партнерша заурчала. Я стал ритмично двигать рукой, проникая всё глубже и глубже. Вторая рука легла на плечо, разминая девичью плоть. Девушка запрокинула голову. Я выдернул погружённую между её ног руку, рывком расстег-

нул ремень, дёрнул за язычок замка и одним движением спустил штаны вместе с бельем. Обхватил член, пару раз провёл вверх-вниз, подтянул к себе партнершу, раздвигая её ягодицы, и одним резким движением вошёл на всю длину, выбивая из её груди приглушённый протяжный стон. Выждав, пока она привыкнет, полностью принимая меня, я вышел, чтобы вновь проникнуть в её тело до основания. Разогретые мышцы были податливы и плотно обволакивали возбужденный член. Двигался ритмично, каждый раз меняя угол проникновения. Постепенно я почувствовал, как меня накрывает волна удовольствия, в паху нарастает напряжение и становится горячо. Девушка начала содрогаться от спазмов. Я обхватил её тело руками и прижал к себе покрепче. Толчок, ещё один, движения стали резче и хаотичнее. В голове стало шуметь, в глазах потемнело. Суккуб громко застонала, вскрикивая от удовольствия, и с силой сжала меня внутри. Чувствуя горячую пульсацию, я зарычал и через пару толчков излился в неё.

Несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, приходя в себя. Девушка после полученного удовлетворения стала обмякать в моих руках. Я вышел из неё, всё ещё держа в объятиях. Правую руку плотнее прижал к её животу, чуть ниже пупка, и пальцем стал вычерчивать руну на коже.

Этому фокусу нас научил Малакай.

Конечно, хозяева борделей принимали меры, чтобы их сотрудницы не беременели, и соответствующее зелье вписы-

валось в счёт за услугу дополнительной графой. А вот «желательные» неожиданные беременности никто не отменял. Поэтому каждый раз перед походом в бордель, как для особо одарённых, Малакай чертил в воздухе руну и, поднимая бровь, спрашивал: «Запомнили, дети мои? Матушке бастарды не нужны».

Одевшись, я достал из мешочка серебряную монету и кинул на стол.

– Вы уже заплатили, господин.

– Возьми выходной, сегодня твои услуги больше не понадобятся.

Уже выходя, я услышал извинения.

– Не за что извиняться, – отмахнулся я, – дело не в тебе.

Вот так. Две минуты прелюдий, пять минут секса, долгожданная разрядка, секундные помутнения рассудка, и всё. Да, приятная ломота в теле, но на душе пусто. На душе ничего. А большего мне в последнее время и не хотелось. Нет? Чисто животный инстинкт, придуманный мирозданием для продолжения рода.

Выйдя из комнаты, посмотрел на стол, за которым сидели парни. У Малакая на коленях пластом лежала девушка, он гладил ей спину и округлую попу и по-звериному улыбался. Определённо, девушку ждёт долгая страстная ночь. Бастиан целовал свою партнёршу, посадив её на себя. Лёд тронулся. Он, как истинный джентльмен, рыцарь в сияющих доспехах, к женщинам подходил осторожно и не спеша.

– Я домой.

Чёрные глаза пристально на меня посмотрели.

– Конечно.

– Хорошего вечера, господа.

В нос ударил морской бриз. Я переместился к Мёртвому морю. Ночь была прекрасна. Звёздное небо, ни одного облака.

Интересно, чем она сейчас занята?

Лёг на траву и всмотрелся в небосвод.

Я её искал, не целенаправленно, но бродил по улицам полуразрушенного города в надежде увидеть белую макушку и янтарные глаза. Даже в храм ходил пару раз. Обычному демону туда не попасть. Но о высших речи никогда не шло, об этом секрете не знали ни люди, ни небожители.

Воздух затрещал, раздался грохот, и из портала вышли двое. Бастиан и Малакай присели по обе стороны от меня.

– Ваше королевское высочество принц Орион, в те ужасные часы, что мы провели в Аду в ожидании и размышлении, вернёшься ли ты живым, я часто представлял, как Король отрезает нам части тел и сдирает кожу за потерю его единственного наследника.

– Думаешь, ему не всё равно?

– Не берусь утверждать, что ты любовь всей его жизни, но за провал возложенных на нас обязанностей по плечу не похлопает.

На возвышенности мерцал свет от маяка. Прохладный ветер охлаждал кожу, я закрыл глаза, а в сознание всплыли янтарные глаза.

Проклятые Небеса.

Хлопнула дверь.

– Подъём!

Я швырнул подушку в ту сторону, откуда доносился голос.

– Мимо.

– Бастиан, какого чёрта?

С меня слетело одеяло. Послышалось шуршание штор, но солнечного света не было.

– Сколько сейчас времени?

– Пять утра. Время тренировки.

Пять утра, значит, сон длился всего пару часов. После моего возвращения в Ад мы решили, что нужно усилить свои боевые навыки, но не в такую ж рань!

– Где Малакай?

– Ещё спит. Он наложил заклинания на свою дверь, и без твоей помощи мне её не открыть.

– Может быть, он там не один.

– Это меня меньше всего волнует, что я, трахающегося колдуна не видел?

– Твоя правда.

Малакай был превосходным магом, но к холодному оружию относился с отвращением. Бастиан же был не силён в

магии, но в битве на мечах ему не было равных. Мне же нужно и то, и другое.

– Вставай, принцесса!

За такое обращение к члену королевской семьи можно было лишиться головы. Но мы знакомы больше пятисот лет, всегда вместе, через многое прошли и стали братьями. Они подшучивали надо мной о моём статусе, я же приговаривал их к вечным пыткам.

– На тебя ледяной воды вылить или сам встанешь?

– Когда ж из тебя выветрятся старые привычки? Ты давно не в армии.

В ванной послышался звук открывающегося вентиля, загрохотала вода.

– Ты не посмеешь! – закричал я, ещё лёжа в кровати.

– Рискну.

Я резко сел, а когда встал с кровати, в дверях показался Бастиан с двумя вёдрами воды.

Долбиться в дверь колдуна пришлось долго.

– Я ведь могу проклясть так, что за вечную жизнь не расколдуете.

– Пошли уже, злая ведьма!

Дом стоял на окраине юного леса в мире фейри и людей. За нашей тренировкой следили пристальные взгляды с десятков дриад, и это очень отвлекало.

Хозяйка леса, Эмерента, разрешила нам расположиться близ её владений. С ней у представителей Ада разногласий не было, и мы использовали предоставленное место для поднятия наших навыков.

Бастиан нас не жалел: бег, отжимания, борьба, кулачный бой, бои на мечях, приседания, ходьба на руках. Под конец я и Малакай были выжаты, как половые тряпки, а ему хоть бы хны. Зато после над ним поиздевался колдун, но и мне досталось с лихвой.

Ближе к обеду, после душа, я решил отправиться в город. Спускаясь по лестнице со второго этажа, заметил ждущих меня внизу нянек.

– Держи, – протянул кольцо Малакай, – Нечего тебе в городе своими глазками сверкать.

Зачарованное кольцо, подавляющее магию. Оно не давало заметить излучение тёмной материи, меняло цвет глаз, делая их более похожими на человеческие, и немного меняло внешность, делая её не запоминающейся. Это как пройти мимо десятка людей и не уловить ни одной черты.

На то он и был сильнейший маг человечества.

После обеда в таверне я пошёл в магазин драгоценных камней. Хотел приобрести для матери что-нибудь красивое. Бастиан остался у дверей, Малакай скрылся в подсобке, где продавалось то, что не выставить для простых смертных и держалось под защитными заклинаниями. На площади играла музыка, и народ потихоньку стягивался к центру, где бард

напевал незатейливый мотив. Взяв один из блестящих прозрачных камней, я подошёл к окну и выставил его на просвет солнца. Камень переливался всеми цветами радуги.

Отлично, настоящий.

Мимолётом взглянув на площадь и уже разворачиваясь в сторону продавца, я подумал, что сознание меня обманывает. Я впечатался лицом в витрину и не верил своим глазам. Стой она чуть правее, то брезент ларька её бы закрыл, и я бы не увидел свою голубку.

– Удача на моей стороне, и я поймаю её за крылышки.

Фейт подходила к мальчику, спрятавшемуся за горкой из сена. Она что-то ему сказала. Что же? Я зашептал заклинание, и моих ушей коснулся голос, о котором я мечтал все эти полгода.

Фейт

Город потихоньку приходил в норму. Отстраивались дома, открывались лавки, люди возвращались к прежней жизни. Но как прежде уже не будет никогда, ничего не забыто. Время недоверия и презрения, страха, зависти и отчаяния. И вроде кажется, что люди улыбаются и смеются, но по глазам можно читать их истинные эмоции. В зеркалах душ я видела, как горожане смотрят друг на друга.

Всех фейри без разбору причисляли к нечисти. Люди отворачивались от идущих дриад, смотрели с отвращением на гномов и эльфов. Что же говорить о существах, которые обладали тёмной материей?

Я вышла к площади. Люди начали скапливаться у её центра. Кто-то танцевал, кто-то подпевал барду, были и те, кто просто стоял и наслаждался музыкой. Нос учуял запах выпечки. Раньше на площади хлеб продавал старина Ханзи.

Небеса, надеюсь, это он!

Идя на запах, я прошла мимо огромных букетов полевых цветов.

Интересно, кто будет покупать полевые цветы, если их можно самому нарвать за пределами города или купить изысканные букеты у цветовода?

За копёшкой обнаружился мальчик, совсем юнец, лет десять, в потрёпанной одежде, истощенный и измученный. Он слабо излучал тёмную материю. Ребёнок был демоном.

– Привет, малыш.

На меня уставились карие глазки. Не знаю, почувствовали ли он, что я небожитель, но смотрел настороженно, даже затравлено. Подойдя поближе, я обнаружила запёкшую кровь на голове. Он смущенно поправил чёрные грязные волосы и прикрыл рану.

– Я не причиню тебе вреда. Я обещаю. Что с головой?

– Это камнем.

Сердце сжалось, а на душе стало паршиво.

– В тебя кидали камнями?

– Они называли меня скверной, чудищем и выродком.

– Что ты делаешь здесь?

– Разве ты не видишь? Я продаю цветы. Наш дом разру-

шен, а папу выгнали с работы. Я должен что-то сделать, я мужчина, я не могу позволить маме голодать.

Снова запахло выпечкой, и у малыша заурчало в животе.

– Знаешь, я считаю, что ты очень храбрый.

– Да, я такой.

– А ещё ты заботливый. Маме с тобой очень повезло. Я сейчас на минутку отлучусь, хорошо? Скоро приду.

Я спешила. Просачиваясь между людьми, молилась, что хлеб продаёт Ханзи, он один из немногих знал, что я ангел.

И слава Небесам, мои надежды оправдались.

– О благие знамения, Фейт! Какое чудо.

– Здравствуйте, Ханзи, я так рада, что вы живы.

Пекарь поведал, что в то раннее утро его не было на площади, как и за день до этого. Его жена сильно заболела, и он не отходил от её постели. Рассказал, что обращался в храм, и служители поделились лекарствами Небес.

– Извините, Ханзи, но не могли бы вы подарить мне два хлеба?

– О чём ты говоришь, девочка, хочешь, забирай всё. Моя жена жива благодаря тебе. Элпис сказала, что ты каждый день приносила снадобья для горожан.

– Это единственное, что я и могу сделать. Лекарства, да и только.

– Хм и только? Разве этого мало? Многие остались живы только благодаря тебе.

В поклажку он положил две буханки хлеба и мясной пи-

рог.

Я поблагодарила пекаря и распрощалась.

Малыш стоял с букетами в руках и предлагал их проходим. Люди проходили мимо и даже не обращали на мальчишку внимания.

Он вернулся к лежащей копёшке.

– Никто их не купит, кому нужны обычные полевые цветы. Они не красивые, обычные.

– Знаешь, луговики за такие слова могли бы тебе наступать по голове.

Ну прекрасно, Фейт, у малыша и так голова разбита. Следы за тем, что вылетает из твоего рта.

– Сильно болит? – указывала я на его голову.

– Немножко.

Храбрый малый.

– У тебя есть платок или тряпка?

Мальчик, поковырявшись в коробках, протянул кусок ткани.

Я накрыла ей голову малыша и просунула под ткань руку. Лёгкое свечение из-под покрывала не привлекло внимание.

– Так лучше? Теперь не болит?

– Нет, не болит. Ты волшебник?

– Ага, – подмигнула я малышу и протянула ему поклажку с хлебом и пирогом.

– Держи, это тебе.

У мальчишки расширились глаза. Он переводил взгляд то

на корзину, то снова на меня. Глубоко вдохнув запах свежего хлеба, накрыл ладонью впалый живот, но голодное урчание его выдало.

– Мне? Честно?

– Клянусь. Знаешь, у меня нет денег...

– Ты нищая?

– Эээ...

– У кого нет денег, тот нищий, так мама говорит.

– Я? Да, наверное, это так. Но я могу кое-что дать тебе, а ты это отдашь отцу, хорошо? Только никому больше не показывай, ты понял меня?

Я поднялась с коленей. Открыла сумочку и достала один кристаллик телепортации.

– За это отец может получить хорошие деньги.

Я начала протягивать мальчишке кристалл, как рядом в коробку для подачи со звоном упали пара серебряных монет.

Вот это щедрость.

Я решила посмотреть на благодетеля. Рядом со мной стоял парень с голубыми глазами и улыбался. Я всмотрелась в его лицо. Что-то знакомое.

– Орион?

Он наклонился ко мне, и бархатистые вибрации его голоса отдались жаром во всём теле. Голос, о котором я мечтала эти полгода.

– Я тебя нашёл!



Глава 8. В преддверии беды

– Я тебя нашёл!

Сложив листы переводов в одну стопку, устало откинулась на спинку стула и победно посмотрела на Фрею и Эмеренту.

Я старалась сложить руны в единый текст, в одну историю, и по выражению их лиц поняла, что у меня получилось.

– Как я и говорила, нужно позволить древним рунам пройти через себя. И ты с этим прекрасно справилась. Осталось меньше половины сказки.

– Так постоит, – прервала нас гостя. – Ещё раз подытожим. Наивная дочь лекаря влюбилась в безрассудного принца соседнего вражеского государства. Между странами идёт война. Но, о волшебство любви, им всё нипочем, и они решают продолжить встречаться, даже если их могут обнаружить и назвать предателями своих родин, а по итогу казнить?

– А почему их должны казнить? – непонимающе взглянула я на Эмеренту. – Это же сказка. А в сказках должен быть счастливый конец.

– Ох, древние дубовые рощи, ты вылитая копия главной героини истории. Такая же наивная!

– Довольно. – Фрея, подняла руку в жесте прекращения дискуссии. – Фейт, твоя комната ждёт тебя. Можешь идти

отдыхать.

Мне не очень хотелось оставаться под одной крышей с выскомерной жердью, но и за полночь выходить из дому хотелось ещё меньше. Поэтому, собрав свои переводы и книгу, я вышла из оранжереи, пожелав двум женщинам спокойного сна.

В моей жизни не происходило ничего интересного. Утро начиналось с теплиц, и ими же заканчивался день. Баночки с мазями, перетёртые корни, сушеные травы, горы книг и сказка на ночь. По вечерам заваривала себе мяту с лимоном и мёдом, залазила на кровать, укрывалась пледом и переводила древнерунический текст. Не буду врать, представляла себя на месте главной героини. Ну кто не хочет, чтобы в неё до беспамятства влюбился сказочный принц? Так и засыпала, в волшебных мечтах.

В среду встретились с девочками. Талия вручила нам приглашения на свадьбы. Одна в первый день августа, вторая – в последний. Со слезами на глазах сообщила, что после торжеств её ждут в поместье, и ни о каком годе практиканта она может и не мечтать. Юность кончилась, пора замуж.

– Счастливую рожу уже подобрали?

Лучше бы Эрика не спрашивала. Талия залилась слезами. Из невнятного бубнежа мы поняли, что кандидат старше на двадцать лет, виконт, и у него то ли пузо, как арбуз, то ли такого размера лицо.

– Хозяин, нам вина с травами и побыстрей, – прокричала рыжая трактирщику.

Сама ж Эрика крыла трёхэтажными ругательствами магический артефакт, библиотеку и всё мироздание. За три недели они не продвинулись в своих исследованиях ни на миллиметр. Зато успели разнести лабораторию ректора, спалить кабинет алхимиков, уничтожив при этом половину реактивов, набить с десятков шишек, когда магической волной их отбрасывало от артефакта, получить пару раз разрядом тока, в общем, семь бед – один ответ, и он отрицательный.

На вопрос, что нового у меня, я развела руками и сообщила, что высадила новые ростки полыни.

Следующим вечером я топала в сторону домика у леса. Профессор встретила меня четырьмя бидонами.

– Мы идём на болота.

– Чего? Ночью? На болота? В лес? Зачем?

Вот стоило пожаловаться на скучную жизнь, и мироздание послало тебе конвертик приключений.

В лесу правда есть болота?

– Сумку с переводом оставь в доме, сегодня она тебе не понадобится, нас ждёт охота.

Я сглотнула. Мы не были близки с Фреей, и уходить на ночь глядя в тёмный лес, где не понятно, что обитает, мне ой как не хотелось. Конечно, если логически порассуждать, она бы могла меня отравить или убить во сне. А вдруг она

бросит меня в лесу или толкнёт в топи?

Мысли скакали, и буйное воображение рисовало картины ночного кошмара.

– Фейт?

А?

– Фрея, а на кого мы собираемся охотиться?

Фантазия дорисовала утопцев, трупоедов, водяного, лучшего, не приведи мироздание – беса.

– На лягушек и змей.

– Так вот зачем бидоны. – Признаться, я была даже немного разочарована настолько прозаичным ответом.

Мы шли протоптанной дорожкой в погружающийся во мрак лес. Шаг профессора был уверенным, словно она шла домой, а я, как гусёнок, следовала за ней.

– Жутковато, однако.

– Ты боишься темноты, Фейт?

– Нет, темноты не боюсь, но нужно опасаться того, что прячется в ней.

Фрея резко остановилась, и я впечаталась в её спину.

– Айя! Извините, профессор.

Тяжело дыша, она посмотрела на меня так странно, словно увидела призрака.

– Что-то не так?

– Нет, – пытаюсь выровнять дыхание, пролепетала учитель. – Всё в порядке. Просто... просто картинки прошлого вспыхнули в сознании. Идём.

Мы вошли в лес. Он встретил нас лёгким дуновением ветра, что сквозил между крон и стволов деревьев, играя волшебную мелодию. Становилось темно. Фрея заклинанием призвала две сферы, излучающие свет.

Ух ты, как красиво!

– Профессор, а для чего вам столько лягушек и змей?

– Это будет подарок моему давнему педантичному другу. Он тот ещё чистоплюй.

Я не видела лица Фреи, но, кажется, она ехидно улыбалась.

Кто бы мог подумать, что профессор может пакостить?

– Тебе одиноко, Фейт?

Я не ожидала такого вопроса. Мы никогда не говорили о личном, кроме того, единственного раза в оранжерее, где профессор поведала о своём сыне и муже.

– Мне не с чем сравнивать. Можно сказать, я всегда была одна. Маму я никогда не видела. На чердаке есть её портрет, но мне не хочется на него смотреть. Не хочу, чтобы её образ засел в голове, не хочу думать, как бы она сейчас выглядела и как бы пекла торт на мой день рождения. Как заплетала утром мои волосы, а на ночь расплетала косы и укладывала спать, читая сказки. Отец – он мне был как сосед. Мы были словно из разных миров, просто жили какое-то время под одной крышей. У меня есть девочки – Талия и Эрика, бабуся Винн и вы.

– Одиночество убивает быстрее болезни.

– А что насчёт вас, профессор? Ведь вы приезжая, и никого из родных и близких здесь нет.

– Я привыкла. Когда долгое время живешь так, как я, то люди больше доставляют дискомфорт, чем радость. Там, где я жила ранее, я в основном общалась с мужчинами, но однажды я познакомилась с девушкой. Сначала я не желала с ней общаться, ибо её присутствие могло принести очень много проблем. Но она стала моей отдушиной. Я по ней очень скучаю.

Дальше мы шли молча.

Неподходящий разговор для прогулки по ночному лесу у нас завязался, но мне почему-то стало легче.

– Фейт, если в выходные ты свободна, я бы хотела попросить тебя о помощи.

– Я с удовольствием помогу.

В воздухе слышались нотки багульника. Значит, мы уже близко. Темнота сгушалась. Я призвала излучающие свет сферы. Начали появляться подтопленные участки, заросшие кукушкиным мхом и ольхой. Ещё с десятков шагов, и началась сырая и топкая земля. Мы вложили больше волшебства, и танцующие в воздухе шарики засияли, как звёзды. Свет озарил довольно обширное пространство верхового болота.

– Это потрясающе!

В начале пути я рисовала в своём воображении зелёные булькающие массы, извергающие запах гниения, мрачные места обитания нечистой силы.

Как волшебной пахла окружающая нас природа! Терпкий аромат кустиков багульника, запах сухого мха, спелых ягод, веточек шикши, опавшей сосновой хвои. Молодые насаждения сосенок и березняка, травяно-кустарный настил из морошки, клюквы и голубики. На осушенных участках колыхаются заросли вереска.

Волшебное!

Я преклонила колени перед болотным миртом. Взяла в руки листочек и растёрла пальцами; почувствовался душистый аромат хвои. Прямо по болоту проложен деревянный настил.

А вот это странно! Спросить или не спросить, и хочу ли услышать ответ?

Послышалось странное шуршание. Я повернула голову и увидела, как, отражаясь от свечения сфер, с дерева на меня смотрели два жёлтых глаза. Тишину болот пронзил высокой тональности визг.

– Чудодовиинищееее!

Уже готовая драпать со всех ног, я была остановлена схватившей меня за руку Фреей.

– Успокойся. На болотах безопасно.

Как подтверждение сказанным словам профессора, с дерева послышалось протяжнее: «Ууух-Ууух».

И, взглядевшись в образ сидящей на сосенке совы, чертыхнулась.

– Ах ты крылатая засранка!

Я давно так не смеялась и никогда не была так измазана

грязью. Заклинание сонного паралича преобразовали в лужки. Мы стреляли из него по прыгающим лягушкам и уползающим от нас в разные стороны змеям. Так в одной из погонь нога зацепилась за кочку, и я рухнула в болото. Медленно, но верно четыре бидона под завязку были заполнены пресмыкающимися и земноводными.

Дом встретил сладким запахом цветения из оранжереи.

Собрав лепестки роз и растерев, прошептала лёгкое заклинание и сцедила розовое масло. Горячая ванна – то, что нужно, чтобы отдохнуть от физических упражнений. Наспех обтершись полотенцем, я вышла в кухню. Профессор разливала мясной суп по тарелкам, я нарезала хлеб и сервировала стол. Из шкафчика вытащила две кружки, а Фрея наполнила их подогретым вином с апельсинами и травами. Это было так по-особенному, по-семейному. Глаза заслезились, и солёные капли потекли по щекам. Тыльной стороной руки быстро вытерла предательские слёзы одиночества. Профессор если и увидела, то не подала виду.

Пятница пролетела быстро. Первым делом теплицы, вторым – забежать в Академию и сдать книги в библиотеку. Мистер «наливное яблочко» прошёл мимо, мило улыбаясь и желая прекрасных каникул щебечущей группе девушек. Меня он не заметил. Талия уехала на выходные в родовое поместье, а Эрику я так и не увидела. Она, ректор и проректор закрылись в подвалах и изучали «не изучаемое». Послышался

грохот, и земля содрогнулась.

Действительно, не стоит их беспокоить.

Занесла мази бабузе Винн, она в свою очередь наградила меня корзинкой с пирожками.

В субботу, как и было оговорено, ближе к вечеру направилась к профессору. Свет в доме не горел. Дверь была приоткрыта. Постучав, ответа не получила.

—Фрея, вы дома? — в ответ тишина.

Лишь в дальней комнате мерцал маленький тёплый огонёк из приоткрытой дверцы. Там располагалась оранжерея. Я направилась на свечение, приоткрыла дверь и в центре комнаты обнаружила на столе торт с зажжёнными свечками.

— С прошедшими днями рождения, Фейт!

И комната вспыхнула мириадами звёзд.

Я была тронута до глубины души стараниями Фреи. Мы говорили обо всём и ни о чём конкретно. Я рассказывала о доме, подругах и о своих мечтах. Она же веселила рассказами о бестолковых студентах и раздирала душу грустными историями о своей разрушенной семье.

Ближе к обеду в воскресенье оказалось, что профессор не ранняя птаха, мы переместились в библиотеку. Делали описи книг, свитков и старинных гримуаров. В подвале расхламляли шкафы. Что-то из алхимических ингредиентов пришлось выкинуть, какие-то колбы были треснуты, их тоже в мусорку. Вечерело. На чердаке перебрали сундуки. Метры тканей — парча, атлас, органза. Из дальнего сундука Фрея достала

сложенный белый материал.

– Это тебе. На долгую память обо мне. Примерь, пожалуйста.

Я приняла свёрток и пошла переодеваться в выделенную для меня комнату.

Платье цвета первого выпавшего снега. Белоснежное. Отделано кружевом. Длинные рукава плотно облегли руки, закрывали плечи. Вырез полностью открывал спину и уходил к пояснице, а от бёдер с двух сторон уходил шлейф из тончайшей струящейся ткани такого же белоснежного цвета.

Свадебное?

В дверь постучали, и Фрея тихими шагами вошла в спальню.

– Профессор, оно прекрасно!

Я обернулась, чтобы ещё раз поблагодарить за такой чудесный подарок, но слова застряли в горле. По щекам Фреи прозрачными дорожками скатывались слёзы.

– Ты, прекрасна, Фейт! Надень его на свой день рождения.

Я лежала в кровати и уже несколько часов не могла уснуть. В голову лезли мысли, и в груди росло неприятное чувство тревоги. Профессор сообщила, что в ближайшие дни ей нужно уехать, вернётся она только к празднованию Самайна. Наши с ней разговоры, наша ревизия дома... Складывалось впечатление, будто мне показывали, что и где лежит в нём, словно Фрея прощалась.

Но она же сказала, что вернётся к празднованию окончания сбора урожая.

Я не могла уснуть и, взяв одеяло с подушкой, вышла во двор. Расстелив перед домом плотное покрывало, улеглась на него и начала всматриваться в звёздное небо. Как же оно прекрасно!

– Интересно, что же сейчас происходит там, по ту сторону небосвода?

Глава 9. По ту сторону небосвода

Ин'Ивл-Ллэйн тихо засыпал под колыбельную снежинок, что тихим хрустом убаюкивали горожан. Эльфы и фейри, гномы и демоны запрятались так далеко, на край миров, в надежде на райскую, спокойную и вечную жизнь. Но судьба – капризная леди. Остров, на котором раскинулся город, несколько тысячелетий назад первородными эльфами был призван из глубин мироздания могущественными заклинаниями. Он располагался в другом измерении, и вот уже как тысячу лет на нём правит зима. Живность попряталась в пещерах, укрываясь от вечного холода, веками цветущие деревья сменили яркие платья на белые шубы, жители города переоделись в тёплые одежды и продолжали жить.

Десять веков назад, самой тёмной ночью, сквозь портал прошли три фигуры. От них ещё веяло остаточной тёмной магией, скверна не покинула до конца свои сосуды. Стихия огня, что диким танцем плясала в троице, бурлила и порывалась выбраться наружу. Сознания парней метались, а в ушах, словно ударами молотов по наковальням, раздавался звон. Они припали к земле, схватившись за головы, и закричали, разрывая голосовые связки. Пламя окутало фигуры и бешеным вихрем взметнулось в небо, покидая свои вместилища. Всё затихло, как перед страшным знамением, а на задворках

мироздания проснулась Сила, что так долго ждала своего часа, голодная и скалящая зубы. Рыская в поисках добычи, она прошла сквозь пробитый огненным столпом барьер и нацелилась на три фигуры, что сидели на земле. Подул сильный северный ветер. Первозданная материя обрушилась на троицу со всей мощью. Вливаясь в каждого и наполняя собой, желая сожрать сознания своих рабов. Но она ошибалась. Внутри парней разразилась битва за контроль. Дикая бушующая Сила метала ледяные копья, пытаясь пронзить, как голодный зверь набрасывалась снова и снова, желая укусить, пыталась зацепиться за разум, обуздать, но попытки её были тщетны. Желая поработить, сама стала рабом. Ей оказалось не под силу сломить ангела, что стал демоном, могущественного колдуна, что принял дар тёмной бездны, воина, чей дух и волю скверна не очернила за пятьсот лет. И она сдалась. Вокруг фигур, стоявших на коленях, пульсировала сила, но она была противоположной тому магическому огненному выбросу, что был минутами ранее. Как магма извергающегося вулкана потихоньку застывала и становилась безжизненно холодной, так и в разные стороны от эпицентра, чем являлись молодые люди, словно стрелы расплзались снежные змеи. Они покрывали землю и горы ледяной бронёй, сковывали озёра и реки, треща и жала, ползли в сторону города, заковав остров во льдах. Начался снегопад. Трое мужчин встретились с градоправителями. Не желая кровопролития и смертей своих граждан, правящие эльфы отдали в руки троицы управ-

ление городом без сопротивления, прося лишь об одном – сохранить мир и покой на этой земле. Так родилась новая история. Отлучённые от тёмной силы Преисподней, брошенные на край мироздания в наказание за предательство и обречённые вечно служить повелителю Ада и доставлять ему души.

Король возглавляет процессию, верховный маг заклинанием разрывает ткань мироздания и создаёт портал, предводитель Дикой Охоты звуком горна ознаменовывает начало гона. Леденящая душу кавалькада рассекает небосвод на крыльях морозного ветра, неся в миры смерть, разруху и пургу, и горе тому, кто встанет на пути у всадников.

Безвольное тело колыхалось в такт резким толчкам. Девушка походила на тряпичную куклу, половую тряпку, о которую вытирают обувь. Она уже не кричала, у неё не было сил даже стонать. Мольба о помощи и просьбы остановиться уже перестали срываться с её губ. Мужчина яростно вколачивался в неё, по-звериному скалился и не думал останавливаться.

Схватив её за волосы, он развернул девушку лицом к себе.
– Открой рот!

Реакции на его слова не последовало. Мужчина со всего размаху вплепил пощёчину, и девушка издала еле слышный стон.

– Живая.

Он двумя руками раскрыл ей рот и вошёл до самого основания. Послышалось кряхтение. Набирая темп, мужчина продолжал яростно разрывать гортань девушки. Поддерживая сумасшедший ритм, он практически не вынимал из неё член.

– Этого мало!

Освободив орган из её рта, мужчина подтянул к себе безвольную куклу и, ухватившись за ногу, поставил на колени. Пальцы стиснули ягодицы девушки и, растянув их, одним точным движением вошёл в анальное отверстие. Девушка завыла и попыталась отползти, но крепкие руки держали как

в тисках, а пальцы врезались в плоть. Ускоряясь, он прорывался дальше и глубже. Он никак не мог насытиться, желанная разрядка не приходила, это начало его злить, и он сквозь стиснутые зубы зарычал. Кровь смешивалась со смазкой, но ему было всё равно, он думал лишь о том, как получить удовольствие. Мозг требовал ещё, жёстче и глубже. Насильник потерял счёт времени. Увеличивая амплитуду, наконец он ощутил, как в паху образуется жар, напряжение начинает нарастать в ожидании освобождения. Он запрокинул голову и после пары резких толчков излился.

Отшвырнув девушку, как испорченный товар, он подобрал брюки, не обращая внимания на кровь, оделся, взял со стула рубашку и вышел в темноту коридора.

Через пару минут дверь комнаты открылась вновь. Колдун вошёл, не издавая ни единого звука, и то, что он увидел, повергло его в ужас. Да, когда-то в Аду он пытался для получения информации и убивал на войне, но с тех пор минул миллениум.

«Не трогать женщин и детей», – негласное правило, первое, о чём сообщил Орион, предлагая стать демоном.

Даже и в мыслях не было.

Но сейчас при виде истерзанного тела Малакая била дрожь. Послышался стон, наполненный невероятной болью. Колдун подошёл к кровати и, положив руку на лоб несчастной, произнёс пару слов на древнем языке, и девушка поте-

рля сознание.

На теле не было живого места. Ссадины, синяки, кровото-
чащие следы от укусов, синеющий отпечаток ладони на ли-
це, вырванный клоч волос и бёдра в крови. Зрелище было
отвратительным.

Он накрыл девушку одеялом и, подняв над ней руку, за-
шептал заклинание изменения сознания.

Орион

Я стоял на балконе и всматривался в звёздное небо. Город
спал и был надёжно укрыт снежным одеялом. Ин'Ивл-Ллэйн
не изменился, такой же, как десять веков назад, а я прежним
не был, так говорила моя свита.

Дверь щёлкнула, впуская луч света, и тяжёлые шаги пере-
секли комнату. Послышался характерный звук откупорива-
ния бутылки. Три стакана коснулись стеклянной поверхно-
сти стола.

– Где Малакай?

– Стирает девушке память.

Морозный воздух обжёг легкие.

Приятное чувство.

Я вошёл в комнату, оставляя балконную дверь нараспах-
ку открытой.

Коньячного цвета глаза смотрели на меня, не выражая ни-
чего. Хотя нет, я прочитал в них вселенскую усталость и...
грусть?

Взяв со стола один из стаканов с виски, я разместился в глубоком кресле.

Бастиан продолжал буравить меня взглядом.

– Есть, что сказать?

– Ничего нового ты от меня не услышишь, а в повторении я не вижу смысла уже очень долгое время.

Мы сидели молча, пока дверь со щелчком не открылась. Колдун подошёл к столу, схватил наполовину полный стакан и залпом осушил. Протянув Бастиану за добавкой, упал в соседнее кресло, сжимая пальцами переносицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.